DOI: 10.31860/978-5-918680-384-55-117

«ЛЮБЕЗНЫЙ ДРУГ ЖУКОВСКИЙ...» (ПИСЬМА Д. Н. БЛУДОВА К В. А. ЖУКОВСКОМУ, 1801—1817)

(Вступительная статья и примечания С. В. Березкиной, подготовка текста С. В. Березкиной и Н. Л. Дмитриевой)

Аннотация: Публикация двадцати восьми писем Д. Н. Блудова к Жуковскому за 1801—1817 гг. содержит большой комплекс новых фактов биографического и историко-литературного характера. Биография Блудова, видного государственного деятеля николаевской России, обогащается сведениями о прохождении им служебной карьеры на раннем этапе. Письма передают неизвестные факты увлечений и творческих замыслов молодого Блудова, захваченного антикарамзинскими настроениями Дружеского литературного общества. Письма 1815—1817 гг. содержат многочисленные отголоски, связанные с деятельностью общества «Арзамас», в том числе подробное сообщение (своего рода протокол) о неизвестном заседании «арзамасцев» в 1817 г. Отражения жизни Жуковского в письмах Блудова касаются его творческой работы, проясняя историю многих из написанных им в это время сочинений. Одно из сообщений Блудова уникально, поскольку касается перевода Жуковским в 1802 г. либретто оратории Й. Гайдна «Времена года», позволяя атрибутировать текст и ввести его в корпус произведений поэта.

Ключевые слова: биография Д. Н. Блудова, Дружеское литературное общество, биография Андрея Тургенева, общество «Арзамас», переписка и произведения В. А. Жуковского.

Abstract: The publication of twenty-eight letters of D. N. Bludov to Zhukovsky for 1801—1817 contains a large complex of new facts of a biographical and historical-literary nature. The biography of Bludov, a prominent statesman of Nicholai's 1st Russia, is enriched with information about his career at an early stage. The letters convey unknown facts of the hobbies and creative ideas of the young Bludov, captured by the anti-Karamzin sentiments of a Friendly Literary Society. The letters of 1815—1817 contain numerous echoes related to the activities of the Arzamas society, including a detailed report (a kind of protocol) about an unknown meeting of the Arzamas in 1817. Reflections of Zhukovsky's life in Bludov's letters relate to his biography and creative work, clarifying the history of many of the works he wrote at that time. One of Bludov's messages is unique, since it concerns Zhukovsky's translation in 1802 of the libretto of the oratorio by J. Haydn's "Seasons", allowing you to attribute the text and enter it into the corpus of the poet's works.

Keywords: biography of D. N. Bludov, Friendly Literary Society, biography of Andrey Turgenev, Arzamas Society, correspondence and works of V. A. Zhukovsky.

© Березкина С. В., Дмитриева Н. Л., 2023

Графу Дмитрию Николаевичу Блудову (1785—1864) посвящено современными исследователями большое количество работ, в том числе диссертационных, связанных с его многообразной служебной деятельностью и широким спектром тех исторических процессов и событий, к которым он был причастен.[1] Для историков литературы Блудов интересен, в первую очередь, как член общества безвестных людей «Арзамас» (1815—1818).[2] В «послеарзамасские» годы творческие занятия Блудова ограничивались историческими работами, связанными как с изданием в 1828 г. посмертного тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, так и статьями по секретным материалам Государственного архива, опубликованными после его смерти.[3] Большой интерес для историков литературы имеют записки Блудова, писавшиеся по заданию правительства и вызванные такими важными историческими событиями, как восстание декабристов и смерть Николая I.

В близкий Блудову круг входили люди, занимавшие видные позиции в общественно-политической и культурной жизни Российской империи. По рождению он не принадлежал к родовой знати.[4] Его блестящая карьера опиралась на большие личные способности, прекрасное домашнее образование, высокие этические принципы, наконец, прочные дружеские связи, сыгравшие определенную роль (на протяжении первой четверти века, до 1826 г.) в ряде удачных поворотов его служебного поприща. Блудов неоднократно занимал министерские посты и становился председателем различных комиссий и комитетов Государственного совета. Закончил он свою карьеру кавалером ордена Св. апостола Андрея Первозванного, высшего ордена Российской империи, в чине действительного тайного советника. При этом на

---

[1] См., например: *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М.: Индрик, 2006; *Ружицкая И. В.* 1) Просвещенная бюрократия (1800—1860-е гг.) / ИРИ РАН. М.: Ин-т русской истории, 2009. С. 108—156; 2) Законодательная деятельность в царствование императора Николая I / ИРИ РАН. М.: Ин-т русской истории РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. По Указ.; 3) Государственный совет при Николае I: особенности функционирования / ИРИ РАН. М.: Ин-т русской истории РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. По Указ.

[2] См.: Арзамас и арзамасские протоколы / ввод. ст., ред. и примеч. М. С. Боровковой-Майковой. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933; «Арзамас»: в 2 кн. М.: Художественная литература, 1994. По Указ.; *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815—1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 348—365, 479—486, 737—741 и др.

[3] См.: *Песков А. М.* Блудов Дмитрий Николаевич // Русские писатели, 1800—1917: биогр. словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 283—284.

[4] См.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений, 1802—1917: биобиблиогр. справочник. 2-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 89. См. также примеч. 4 к письму от 12 янв. 1805 г.

всем своем жизненном пути Блудов не терял связей с тем кругом друзей, которые стали для него близки в пору ранней юности. С этой точки зрения чрезвычайно интересны неопубликованные письма Блудова к Жуковскому 1801—1817 гг., передающие яркие черты этой незаурядной личности на этапе ее становления.[5]

В первой же биографии Блудова, написанной Е. П. Ковалевским и вышедшей в 1866 г. (не окончена), были прослежены взаимоотношения его с Жуковским примерно с 1799 или 1800 г., когда поэт еще учился в московском Университетском благородном пансионе. Их переписку Ковалевский не использовал, но привел в разделе «Мысли и замечания графа Блудова» недатированную запись о поэте: «О Жуковский, если бы я не имел к тебе чувства дружбы, сего чувства, в коем все сливается, и почтение к благородной душе твоей, девственной от всех порочных побуждений, и бесценное ощущение твоей любви, наконец и воспоминание первых лет и надежд, Жуковский, я бы еще любил тебя за минуты, в которые оживляюсь твоими стихами, как увядающий цветок возвращенным свежим воздухом».[6] Судя по письмам Блудова, это отношение к Жуковскому оставалось в нем неизменным на протяжении всей его жизни.

Первые сохранившиеся записки Блудова к нему относятся к 1801 г., когда он уже служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Среди учеников Университетского пансиона и молодых чиновников архива Жуковский и Блудов обрели друзей, остававшихся для них таковыми и в дальнейшем. В ранних записках и письмах Блудова из Москвы и Петербурга постоянно встречаются имена братьев Тургеневых и Кайсаровых, Д. В. Дашкова, Ф. Ф. Вигеля, С. Е. Родзянки и др. Отклики Блудова на новости русской литературы, звучащие в его ранних письмах к Жуковскому, отражают тот комплекс идей и воззрений на ее будущее, который характеризовал настроения Дружеского литературного общества, собиравшегося в Москве в 1801 г. В публикуемых письмах это нашло отражение в антикарамзинских настроениях молодого Блудова, открытие которых можно назвать сенсационным по своей неожиданности историко-литературным фактом. Неприятие сентиментализма во всех его формах было в высшей степени характерно для Блудова, разделявшего самые острые выступления против карамзинского литературного направления, которые звучали в Дружеском литературном обществе из уст Андрея Кайсарова и Андрея Тургенева (см. письмо от 22 янв. 1803 г., примеч. 8). Блудов пытался найти поддержку у Жуковского, обратившись в конце 1802 г. к сочинению

[5] Письма Блудова к Жуковскому известны в публикации, осуществленной П. И. Бартеневым, только за 1819—1831 г.: Русский архив. 1902. Вып. 6. С. 341—348.

[6] *Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время: (Царствование императора Александра I). СПб.: в тип. Второго отделения собственной е. и. в. канцелярии, 1866. С. 251.

комедии «Чувствительный», которая, как он убеждал его, была направлена не против Карамзина. Эта комедия упоминалась Блудовым в письмах к Жуковскому в начале 1803 г. (см. п. 10 (примеч. 6—8), 11 и 12). Блудов ставил возможность завершения комедии в зависимость от одобрения им тех двух действий «Чувствительного», которые были ему высланы. Ответное письмо Жуковского не известно, но Блудов, вняв, по-видимому, его совету, оставил свой антикарамзинский замысел. С именем Карамзина связаны и две другие записки Блудова, в которых говорится о состоявшемся, наконец, знакомстве с ним, причем с уточнением времени, когда это произошло, — ноябрь 1804 г. Эти записки вводят рассказ о жизни Блудова в русло того широко известного пиетета к Карамзину, который он питал к нему в дальнейшем на протяжении всей своей жизни.

15 авг. 1802 г. Блудов писал Жуковскому: «...я всегда боюсь, чтобы ты не усмехнулся, когда я говорю как автор, однако же скажу, что и у меня в голове много планов» (п. 6). После 1803 г. из этих писем исчезли упоминания о творческих замыслах, будораживших его ум. По позднейшему признанию Блудова, «область творческого ума» была для него «землей обетованной», в «пределы» которой он не решился войти.[7]

Письма ярко передают «чрезвычайно пылкий» характер молодого Блудова, приводивший его порой к сложным ситуациям. По утверждению Ковалевского, этот характер изменился под влиянием «тесной дружбы с Карамзиным и Жуковским, людьми в высшей степени кроткими и благодушными».[8] Но и с Жуковским у молодого Блудова бывали серьезные объяснения, когда на кону оказывалась их дружба. Именно о дружбе писал Жуковский, требуя объяснений от Блудова осенью 1803 г. в связи с его необъяснимым молчанием в каком бы то ни было письме о смерти Андрея Тургенева. Блудов написал, наконец, ему в ноябре-декабре 1803 г. два письма (см. п. 14—15 и примеч. к ним), которые можно оценить как новые, весьма ценные источники сведений о смерти их друга (см. примеч. к этим письмам).

Удивительная по чистоте история любви открывается в упоминаниях Блудова о своей будущей жене в письмах к Жуковскому. Письмо, написанное ему семнадцатилетним Блудовым в 1802 г. о княжне Анне Щербатовой, дышит страстью романтической юности (см. п. 4). И вот письмо, написанное через десять лет, перед их свадьбой, в котором Блудов в шутку называет свою невесту «старухой», выражая, однако, при этом все ту же, что и в 1802 г., любовь (см. п. 24). Анна Щербатова была старше мужа на восемь лет и, конечно же, поблекла за 1802—1812 гг., в течение которых он добивался ее руки. Умерла она раньше мужа, и М. А. Корф упомянул о жене Блудова в своем дневнике как

[7] *Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время. С. 254.
[8] Там же. С. 21.

о «женщине тихой и кроткой и очень обыкновенной, но при всем том нежно им любимой».[9] История Дмитрия и Анны Блудовых — это история любви редкостного благородства и верности.

Три письма Блудова 1815—1817 гг. к Жуковскому связаны с «Арзамасом»[10] и дают ряд новых сведений из его истории. Письмо Блудова от 1 мая 1817 г. представляет собой остроумнейший образец изложения событий, разворачивающихся в кругу «арзамасцев». Успешное разрешение возложенного Жуковским на Блудова поручения помочь поэту А. И. Мещёвскому было связано с заседанием «Арзамаса» 29 апр. 1817 г., о котором, помимо данного письма, нет иных документальных свидетельств, хотя именно в этот день заслушивалось членами общества обращение к ним Жуковского, известное под названием «В общее собрание Нового Арзамаса от действительного секретаря Его Превосходительства всепокорнейшее завывание».[11] Письмо Блудова, полное юмористических подробностей о заседании «арзамасцев» 29 апр. 1817 г. и их восприятии «всепокорнейшего завывания» секретаря Светланы, можно рассматривать как своего рода набросок ненаписанного «арзамасского» протокола.

Комплекс публикуемых писем представляет большой биографический и историко-литературный интерес в отношении как Блудова, так и Жуковского. Письма Блудова содержат многочисленные свидетельства об истории произведений Жуковского. Так, в них сохранилось поистине уникальное (поскольку оно является единственным!) эпистолярное свидетельство о переводе поэтом в 1802 г. либретто оратории Й. Гайдна «Времена года», вызывавшем споры в жуковсковедении на протяжении более ста лет (см. п. 6, примеч. 2). Публикации писем, позволяющие восстановить в полном объеме двустороннюю переписку корреспондентов, всегда дают большое приращение биографических фактов. Свидетельством плодотворности исследовательской усилий такого рода являются письма Блудова, дополняющие публикации писем к нему Жуковского.

Письма Блудова к Жуковскому за 1801—1817 гг. хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, № 21823: это 29 писем, одно из которых (л. 39—39 об.) не вошло в публикацию, поскольку не поддается прочтению из-за выцветших чернил на ярко-синей глянцевитой бумаге. Последовательность (под-

---

[9] *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты... С. 222.

[10] О плодотворности пополнений истории общества «Арзамас» на основании новых архивных находок свидетельствует ряд современных работ, например: Литературное общество «Арзамас»: история и современность. Арзамас: б. и.; Нижний Новгород: Растр, 2015; *Панов С. И.* Из литературной почты «Арзамаса» // Литературный факт. 2016. № 1/2. С. 179—198.

[11] См.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2016. Т. 11 (1). С. 52—53.

борка) писем в архивной единице не соответствует действительной хронологии, восстановленной в публикации аналитически; письма печатаются в следующем порядке: л. 47—49, 19—19 об., 1—11 об., 37—38, 18—18 об., 46—46 об., 12—17 об., 21—21 об., 44, 45, 43, 34—35 об., 40, 49, 26—27 об., 22—25, 36, 28—33. Орфография и пунктуация публикуемых писем приведены в соответствие с современными нормами, но с сохранением некоторых особенностей оригинала.

1

27 сентября 1801. Москва

27 сентября.[1]

Il est assez cruel, mon cher ami, que depuis deux grands jours je n'ai de vous aucune nouvelle. J'ai été dans l'impossibilité de venir vous voir, mais vous n'y étiez pas à mon égard: vous n'y êtes pas au moins aujourd'hui. Venez si vous pouvez dîner avec moi. J'aurai l'occasion de vous ramener en allant chez Malinovsqui à qui je compte tenir enfin parole. Adieu. Vous avez emporté mes promenades avec mon chapeau, car le vôtre est trop *petit pour moi*, mais honni soit qui mal y pense.

Перевод:

Достаточно жестоко, мой дорогой друг, не прислать мне ни одной весточки за два длинных дня. Я не мог навестить тебя, но и ты не был расположен к тому, по крайней мере, ты и сегодня не расположен. Приходи, если сможешь, отобедать со мной. Я смогу отвезти тебя по дороге к Малиновскому, в отношении которого рассчитываю наконец сдержать слово.[2] Прощай. Ты лишил меня прогулок заодно с моей шляпой, потому что твоя мне мала, но позор тому, кто дурно об этом подумает.

---

[1] Вероятнее всего, записка была написана в 1801 г. Только в 1801 г. Жуковский и Блудов (до его женитьбы в 1812 г.) находились 27 сент., как это обозначено в тексте записки, в Москве (чтобы отправиться по просьбе Жуковского к А. Ф. Малиновскому — см. ниже). Предположительно к тому же периоду самого раннего приятельского общения Блудова с Жуковским, т. е. к 1801—1802 гг., отнесены нами и две другие недатированные записки Блудова к нему на французском языке, несомненно связанные, как и французская записка от 27 авг. 1801 г., с его жизнью до женитьбы. Таким образом, в архиве Жуковского сохранились три записки к нему Блудова, относящиеся ко времени службы поэта в московской Главной соляной конторе, из которой он был уволен 30 апр. 1802 г., после чего, получив указ об отставке, уехал в Белев в последних числах мая 1802 г.

[2] *Малиновский Алексей Федорович* (1762—1840) — чиновник Московского архива Коллегии иностранных дел, в 1814 г. ставший управляющим этого архива.

Желание Жуковского увидеться с ним, по-видимому, было связано с интересом к его переводческим, историческим, театральным работам и публикациям (см.: *Долгова С. Р.* Малиновский Алексей Федорович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2. С. 267—271). Блудов поступил на службу в московский архив в 1800 г. юнкером и в октябре 1801 г. был пожалован чином коллежского асессора.

2

Вторая половина мая 1802. Москва

Mon ami, c'est aussi trop fort! Restez trois jours sans se voir, *ni s'entendre*, ni se donner aucun signe de vie: on ne fait pas de telles choses quand on s'aime.

Demain l'on donne *Le château du Diable*: ce sera un spectacle infernal; mais il faut voir ça.

Перевод:

Друг мой, это уж чересчур! Три дня не видеться,[1] не слышать друг друга, не подавать ни малейших признаков жизни: так не поступают, когда любят.

Завтра дают *Замок Дьявола*: это будет адский спектакль, но нужно это увидеть.[2]

---

[1] О предположительной датировке трех писем на французском языке Блудова, отнесенных нами к московскому периоду жизни Жуковского 1801—1802 гг., см. п. 1, примеч. 1. Письма 2 и 3 написаны Блудовым почти в один день и датируются второй половиной мая 1802 г. по упоминанию в п. 3 майских номеров журнала «Вестник Европы» (см. примеч. 3 к нему).

[2] По-видимому, речь идет о мелодраме *Л. А. Лоэзеля де Треогата* (Loisel de Tréogate; 1752—1812) «Замок дьявола» («Le Château du diable», пост. 1792). В Москве начала 1800-х гг. была небольшая французская труппа, игравшая в Петровском театре; сведений о постановке на его сцене «Замка дьявола» обнаружить не удалось. Негативный отзыв о спектакле см. в п. 3.

3

Вторая половина мая 1802. Москва

Mon cher bon ami, je n'ai pu venir chez vous hier, et le spectacle ne valoit pas la peine d'être vu. Vous n'avez rien perdu. Je vous écris aujourd'hui pour vous demander un service essentiel. Vous possédez La Harpe ou du moins Mr. Tourgurneff le possède. Ayez la bonté de m'envoyer le premier tome où se trouve Mélanie. Vous m'obligerez plus que vous ne pouvez penser. Joignez y le 9me et le 10me volume du *Courier de l'Europe*. Adieu, passez chez moi ce soir, si vous en avez le temps.

Перевод:

Мой дорогой добрый друг, я не смог прийти к тебе вчера, а спектакль не стоил того, чтобы его смотреть.[1] Ты ничего не потерял. Пишу сегодня, чтобы попросить тебя о важной услуге. У тебя есть Лагарп, или, по крайней мере, он есть у г. Тургенева. Окажи любезность, пришли мне первый том, где находится Мелания.[2] Ты окажешь мне величайшее одолжение. Приложи еще 9-й и 10-й том «Вестника Европы».[3] Прощай, зайди ко мне вечером, если будет время.

---

[1] Записка Блудова была написана через день после той, которая приглашала Жуковского в театр на спектакль «Замок дьявола» (п. 2, примеч. 2). В это время Жуковский готовился к отъезду в Белев Тульской губ. после получения им отставки из московской Главной соляной конторы.

[2] Речь идет о трагедии французского поэта, критика, драматурга *Жана-Франсуа Лагарпа* (Laharpe; 1739—1803) «Мелани» («Mélanie», опубл. 1770, пост. 1791), знаменитой своим антиклерикальным пафосом. В письме от 22 янв. 1803 г. к Жуковскому в Мишенское Блудов дал о ней восхищенный отзыв. Книгу, о которой просил Блудов в записке, Жуковский нашел в своей библиотеке. Впоследствии он неоднократно в письмах к Александру Тургеневу и Блудову за 1805—1807 гг. упоминал о своем требовании вернуть ему этот том (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М., 2018. Т. 15. С. 28, 30, 57). Речь в этих письмах, несомненно, шла о шеститомном издании Лагарпа 1778 г., сохранившемся в библиотеке поэта с лакуной, — в нем отсутствует именно первый том, о котором писал ему Блудов (см.: Библиотека В. А. Жуковского: (описание) / сост. В. В. Лобанов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. № 2678; ср. примеч. к указанным нами письмам: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 608—609, 612, 628, где просьбы связываются с другим изданием в его библиотеке). Вигель, вспоминая молодого Блудова, писал, что для него Лагарп был «законодателем» (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М.: Захаров, 2000. С. 131). Его «Лицей, или Курс древней и новой литературы» («Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne», 1799—1803), написанный с позиции строгого классицизма, был тем теоретическим трудом, к которому обращались русские литераторы. Жуковский пристально изучал «Лицей», о чем свидетельствует конспект одной из глав его первого тома (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 12. С. 456—467).

[3] Блудов интересуется свежими номерами (№ 9—10, за май 1802 г.) журнала «Вестник Европы».

4

3 (15) июля 1802. Москва

Москва. Июля 3/15 1802-го года. Вечер.

Вообрази, брат, я пишу к тебе перед портретом Нанины.[1] Смотрю на образ милой и беседую с другом: кажется, будто счастье. Однако ж я несчастен и очень.[2] Ей-богу. Ох! как сегодня я плакал; я читал «Ольбана»,[3] и плакал, и глядел на портрет. Право, «Ольбан» очень трогателен. Все не зря чувствительные это знают, но все удивятся, что меня

более всего тронуло слово Нины, в последнем явлении: *Он умер! Он застрелился!* А! когда подумаешь, что Нанина с отчаянным голосом то же скажет, так придет охота идти на Воробьевые горы[4] и там, приложась к портрету, умереть; но скажет ли она? — и как? — Боже! она чувствительна, она верно пожалеет обо мне, да только пожалеет; — нет, буду еще недолго жить, для того чтобы взять во гроб приятную мысль:

Что никогда твоя Темира не забудет.[5]

Я хотел было писать к тебе журнал мой[6] с тех пор, как мы расстались, но смертный жар; я оставляю его до будущей почты. Прости, пиши мне свой; я теперь вместе с Губаревым.[7] Буду еще при свете луны любоваться портретом; тогда как не мечтать, как не думать иногда, что обладаешь ее прелестями, что — также при свете луны — буду некогда смотреть на нее, на ее милинькие глазки, закрытые; на ее щеки, где играет румянец самый милый, самый розовый, на грудь ее... ах! тогда в восхищении буду целовать ее, будить, может быть, буду целовать так, как я теперь только портрет целую; как она проснется, взглянет на меня усталыми, томными глазами, улыбнется, пожмет мне руку, которую я поцелую, и в то же время я почувствую горячие ее уста на щеке моей, и в то же время я прижмусь к ее груди, почувствую биение ее сердца — и в то же время ужасное слово: jamais раздается в душе моей; ах! несчастный, смотри на портрет, смотри на нее издали и терзайся. Я смотрю еще на портрет, еще целую ее и в слезах, в отчаянии — засну.

Блудов.

<Приписка В. И. Губарева:>

Здравствуй, брат Жуковской!

Я здесь ночую и тебе кланяюсь, что, брат, — imaginez-vous, je viens d'arriver de la campagne et je suis malheureux,* а как и от чего после узнаешь.

Adieu!

Goubareuff.**

<Приписка Блудова:> Изъяснение: а как? и от чего? в следующем письме.

---

[1] Наниной Блудов называл княжну *Анну Андреевну Щербатову* (1777—1848), свою будущую жену. Написание имени «Нанина» в письмах Блудова было столь похоже на фамилию «Панина», что это вызвало со стороны осведомленного о его чувстве Жуковского «комическое» замечание в письме к нему от начала августа 1804 г.: «А Панина? Эта милая, милая, комическая Панина?» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 24; см. примеч. на с. 605, где указывается на ошибку первого публикатора письма Жуковского, назвавшего «Панину» возлю-

---

* представь, я только что вернулся из деревни и несчастен (*фр.*).

** Прощай! Губарев (*фр.*).

бленной Блудова (*Трофимов И. Т.* Поиски и находки в московских архивах. М.: Моск. рабочий, 1982. С. 63), но не объясняется ни появление в письме Жуковского этого слова (возможно, с ударением на втором слове: Пани́на), ни его «комизм»). Разобраться с этим словом помогают написания его в разных письмах Блудова, где очень редко, но встречается четкое «Нанина».

[2] Блудов впервые увидел фрейлину Анну Щербатову в Москве во время коронации Александра I в 1801 г. и тут же влюбился в нее. В это время он жил с матерью рядом с домом Щербатовых. Княжна, которая была на восемь лет старше Блудова, относилась к нему как к незрелому юноше и не придавала значения живому общению между ними. Тем не менее, это было то глубокое чувство любви, которое, став постепенно взаимным, позволило им пройти множество испытаний до соединения в браке в 1812 г.

[3] Имена Ольбана и Нанины в письме Блудова напоминали о героях комедии Вольтера «Нанина» (1749). Однако он, несомненно, говорил о другом произведении — о «драматическом отрывке» «Ольбан», вышедшем в русском переводе М. М. Вышеславцева в 1795 г. и затем отдельным изданием в 1798 г.; героями этого «отрывка» были Сенваль, в прошлом Ольбан, и Нина, когда-то его возлюбленная, а ныне жена Серси; слова героини «Он умер, он застрелился», которые вспоминает Блудов, см.: Приятное и полезное препровождение времени. М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1795. Ч. 8. С. 204. Источником перевода было сочинение *Л. Рамон де Карбоньера* (Ramond de Carbonnières; 1755—1827) «Ольбан» (1777). См.: *Рак В. Д.* Вышеславцев Михаил Михайлович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 182—183.

[4] Воробьевы горы — это высокий (до восьмидесяти метров) правый берег в излучине Москвы-реки.

[5] Источник цитаты о Темире (условно поэтическое имя, встречающееся в произведениях И. Ф. Богдановича, И. И. Дмитриева, Н. М. Карамзина, Я. Б. Княжнина, Г. П. Каменева, Ю. М. Нелединского-Мелецкого, Д. И. Хвостова и др.) не установлен.

[6] Имеется в виду дневник, писавшийся для друга.

[7] *Губарев (Губарёв) Воин Иванович* (1781 — ок. 1868) — соученик Жуковского по московскому Университетскому благородному пансиону, помещик Кромского уезда Орловской губернии. О месте Губарева в «младшем тургеневском кружке» см.: Архив братьев Тургеневых. СПб.: Отд-ние русского языка и словесности Имп. Акад. наук, 1911. Вып. 2: Письма и дневник А. И. Тургенева геттингенского периода (1802—1804 гг.) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Геттинген 1805—1811 гг. / с введ. и с примеч. В. М. Истрина. С. 48—49. Губарев и его сестра А. И. Лагривова оставили след в биографии И. С. Тургенева, поскольку были близкими людьми для его матери В. П. Тургеневой. В «Литературных и житейских воспоминаниях» (1867—1869) Тургенева дан колоритный портрет Губарева (см.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. М.: Наука, 1983. Т. 11. С. 69—70, 360—361).

5

28 июля (9 августа) 1802. Москва

Москва. Июля 28 дня / Августа 9 дня 1802 года. Ввечеру.

Я вчера только приехал из деревни, где был неделю и где получил второе письмо твое.[1] Я во все время не мог к тебе писать, как для это-

го отъезда, так и для других неприятных дел. Многому мешала лень, и теперь мешает она же. Скажу только, что я не сержусь на бранчливое письмо твое и на *того*, который удостоивает меня разговором только *пера своего*; правда, и сердиться не за что. На первой почте буду отвечать plus au long;* и расскажу тебе (многие интересные) новости, которые тогда, может быть, будут уже не новостями. Прости! Губарева загадка[2] состоит в том, что он, будучи в деревне, нашел свою Юлию холодною, хотел застрелиться, но вместо того — стал есть мороженое; теперь же помирился и est on ne peut pas mieux.** Прощай. Пиши ко мне.

[1] Письма Жуковского к Блудову за 1802 г. неизвестны.
[2] См. приписку Губарева на п. 4.

6

15 августа 1802. Москва

Москва. Августа 15 дня 1802.

Я сей час получил письмо твое, писанное не знаю когда,[1] и с ним тетрадь к Керцеллию:[2] он их получит завтра, а теперь уже вечер. Я желал бы чаще писать к тебе, но сперва не мог за хлопотами; потом за деревнею, потом за лению, а ныне молчал от болезни; а был болен целые две недели и лежал в постеле. Стану отвечать на все письма твои понктуально <так!>, но прежде опишу, что со мною случилось; а случилось очень много вещей.

Теперь, брат, я могу тебе сказать *вообрази*: ибо вообрази, что я уж тебя не увижу, по крайней мере, очень долго; увидишь как.[3]

Не хочу описывать тебе, как меня мучил Юрш <?> и другие заимодавцы; как я их обманывал и как чуть не был обманут Севенаром; как я решился заплатить долги свои, не занимая большей суммы, как я решился работать и не мотать уже,[4] как я в деревне наслаждался — неделю, как я теперь тебе и *тогдашнему себе* завидую; какие сцены имел я с матушкой, но скажу только, что я был грустен и болен, что эта грусть и болезнь, вместе с решительностию и твердостию, сделали, что я поеду в Петербург с мешком скоро; *с мешком...*[5] Ты удивляешься, но точно так: я не подумал, что мне надобно заплатить свои долги прежде отъезда, и теперь желал бы его отсрочить на два месяца или, по крайней мере, на один; но я, может быть, и месяца уже здесь не пробуду; всё приготовляется, кибитка уже куплена, я еду один... вообрази. Надобно подумать о распоряжении своих дел. Этим-то глу-

* подробнее (*фр.*).
** поживает лучше некуда (*фр.*).

пым делам, мой друг, приписывай всегда мое молчание. Я надеюсь, что в Петербурге их у меня не будет, и там я буду исправно к тебе писать, исправно и с великим удовольствием. Там и *Губарева* нет, то я буду очень рад с кем-нибудь, хотя на бумаге, говорить так, как я в Москве говаривал, то есть языком сердца. Там, мой друг, буду я писать тебе о литературе, о всех не известных нам французских произведениях, особливо театральных, о неизвестных тебе тамошних актерах; это будет очень весело. Хотя я всегда боюсь, чтобы ты не усмехнулся, когда я говорю как автор, однако же скажу, что и у меня в голове много планов, я ничего не могу сказать тебе прежде Петербурга, потому что занят совсем другим, и верно напишу galimathias.* Анд<рея> Ива<новича> Элегия[6] fait beaucoup de bruit;** под этим названием расспрашивают меня об авторе, а я, не без самолюбия, говорю: он редкий молодой человек, он обещает быть некогда гением, *он мой друг.*

Теперь я перевожу кое-что из Diction<naire de> Phil<osophie>:[7] <5 нрзб.>; я уже перевел и, *кажется*, недурно. Новость ли для тебя, что Кам<енский> фельд<маршал> принят в службу, конечно не для миру?[8] Новость ли для тебя, что труппа французская будет из Вильны в Москву?[9] Есть одна вещь, которой бы я очень желал и которая до сих пор есть еще неверная новость. Говорят, что Ив<ан> Влад<имирович> сделан Г<енерал>-Прокурор<ом>.[10] Я желал бы и по его особе, и по тому, что ты и Губарев могли бы быть в Петербурге; я думаю, что я тогда был бы счастлив; но каково же Анд<рею> Ив<ановичу>.[11] Ты, Губ<арев>, я, вместе, в прекрасном городе, на дороге новостей, и в городе, где умеют, если не честить, то по крайне мере награждать авторов. A propos de cela j'en parlerai à la première poste.***

<Приписка на полях:> Может быть, для тебя интересно знать, что Дюсис сочинил трагедию: Махбета. Приехавши в П<етер>б<ург>, я постараюсь найти ее и прислать к тебе. Она тебе поможет, если в самом деле захочешь сделать Махбета русского.[12]

---

[1] Письмо Жуковского неизвестно.

[2] *Керцеллий (Керцелий)* — так в русских изданиях конца XVIII в. передавалась фамилия музыкантов из семейства Керцелли, предположительно австрийского происхождения, с середины 1760-х гг. жившего в Москве. Об этом семействе см.: Музыкальная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1974. Т. 2. С. 782 (статья И. М. Ямпольского); Музыкальная библиография русской периодической печати XIX века / сост. Т. Н. Ливанова. М.: Музгиз, 1960. Вып. 1: 1801—1825. По Указателю, на имя Керцель (Керцелли). В письме речь идет об *Иване Францевиче Керцелли* (Jean Joseph Koerzl, Kerzel, Kerzelli, Cherzelli; 1760? — 1819 или 1820), скрипаче, композиторе и дирижере, с 1801 г. старшем капельмейстере Петровско-

---

* чепуху (*фр.*).

** наделала много шуму (*фр.*).

*** Об этом я напишу с первой же почтой (*фр.*).

го театра в Москве. По инициативе И. Ф. Керцелли, 25 февр. 1803 г. состоялась московская премьера оратории Й. Гайдна (1732—1809) «Времена года» («Die Jahreszeiten»; исп. 1801; публ. 1802) по либретто Г. ван Свитена (van Swieten; 1733—1803), опиравшегося на одноименную поэму («The Seasons», 1726—1730) английского поэта Дж. Томсона (Thomson; 1700—1748). Из письма Блудова можно сделать вывод, что перевод либретто Жуковский сделал по заказу И. Ф. Керцелли для исполнения «Времен года» в Петровском театре. Объявление о предстоящем концерте было дано в «Московских ведомостях» 4 февр. 1803 г. от лица Керцелли, тут же сообщавшего: «Слова сей оратории можно получить напечатанные в книжных лавках содержателей Университетской типографии, по 50 коп. каждый экземпляр». Речь идет о следующем анонимном издании перевода: Четыре времени года: музыка сочинения Гайдена. М.: в Унив. тип., у Люби, Гария и Попова, 1802. 33 с.; на с. 2 указаны исполнители партий: Артамон Прусаков (Симон, откупщик), Елизавета Сандунова (Лиза, дочь его; в оригинале Ханна), Михаил Зубов (Лука, молодой крестьянин; в оригинале Лукас). О московской премьере оратории см.: *Финдейзен Н. Р.* Музыка Гайдна в России (историческая справка) // Русская музыкальная газета. 1909. № 20/21. Стб. 520; *Вольман Б. Л.* Наследие Гайдна в России // Советская музыка. 1959. № 6. С. 87—88; *Штейнпресс Б. С.* Музыка Гайдна в России при жизни композитора // Музыкальное исполнительство. М., 1970. Вып. 6. С. 297—300, 305. Имя Жуковского как переводчика либретто было раскрыто в 1805 г. в газетных сообщениях о продаже книги (Московские ведомости. 1805. 1 марта. № 17. С. 343; и др.), откуда попало в изд.: *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. СПб.: тип. Имп. театра, 1816. Ч. 4. С. 381 (№ 10338, с ошибкой в годе издания; описание начинается со слов: «Пер. В. Жуковского»). Четыре части оратории живописуют сезонные занятия крестьян, их труды и развлечения, с яркими описаниями природы. Объединяющим началом сезонных сюжетов является понимание целесообразности того жизненного цикла, который оправдан христианскими верованиями и надеждой на благодатную помощь Творца. Перевод, вышедший в 1802 г., несет на себе отпечаток незаурядной творческой индивидуальности и дает многообразное идейно-стилистическое отражение русской литературной традиции конца XVIII — начала XIX в. На протяжении XIX в. перевод трижды переиздавался: Четыре времени года: музыка сочинения г. Гайдена = Die Jahreszeiten von Joseph Gaydn. М.: тип. Н. Степанова при Имп. театре, 1830 (с параллельным немецким текстом); То же: Оратория, положенная на музыку Гайденом. [2-е изд.]. СПб.: тип. К. Крайя, 1836; Времена года: оратория И. Гайдена. Митава, 1893. Об этой переводческой работе Жуковского иных свидетельств в его переписке, помимо письма Блудова, не имеется. См.: *Березкина С. В.* Перевод либретто оратории Й. Гайдна «Времена года» — неизвестное произведение В. А. Жуковского // Имагология и компаративистика. 2022. № 18. С. 34—58.

[3] Речь идет об отъезде Блудова из Москвы в Петербург осенью 1802 г. в связи перемещением по службе в Коллегии иностранных дел.

[4] Биограф сообщал о том, как Блудов боролся со своей «врожденной страстью» к карточной игре: «...дал себе обет — не пользоваться выигранными деньгами, а отдавать их, все сполна, бедным <...> Блудов перестал, даже разучился играть. Когда приходилось иногда сделать исключение для кого-нибудь <...> то играл так дурно и рассеянно, что ему очень редко предлагали карту. В доме его никогда не играли» (*Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время. С. 82). Эти усилия Ковалевский относил ко времени после женитьбы Блудова. Однако письма к Жуковскому показывают, что уже в возрасте семнадцати лет он имел карточные долги и понимал необходимость борьбы со своей страстью к картам.

[5] В русских пословицах мешок — это вместилище для денег, например: «Был бы мешок, а деньги будут» (см. статью на слово «Мех» в словаре В. И. Даля). В начальную пору своей петербургской жизни Блудов жил очень стесненно.

[6] Речь идет о только что напечатанной с подписью «—в» «Элегии» («Угрюмой осени мертвящая рука...») *Андрея Ивановича Тургенева* (1781—1803), вышедшей с примечанием Карамзина, в котором выражалась надежда, что в будущем поэт «найдет способ говорить по-своему» (Вестник Европы. 1802. № 13. С. 52).

[7] Имеется в виду трехтомное издание *Ж.-А. Нежона* (Naigeon; 1738—1810) «Словарь древней и современной философии» («Dictionnaire de philosophie ancienne et moderne», 1791—1794); входит в издание «Encyclopédie méthodique, ou par ordre de matières», 1782—1832.

[8] *Граф Каменский Михаил Федотович* (1738—1809), генерал-фельдмаршал, в отставке до 17 июля 1802 г., вернулся на службу в должности санкт-петербургского генерал-губернатора, в 1806-м главнокомандующий армией, женат на княжне *Анне Павловне Щербатовой* (1749—1826), тетке будущей жены Блудова.

[9] Надежды Блудова на приезд в Москву французской труппы из Вильны не оправдались. См. п. 2, примеч. 2.

[10] *Лопухин Иван Владимирович* (1756—1816), тайный советник и сенатор в московских департаментах Сената (1797), участник ревизий в ряде губерний Российской империи, известный масон. Блудов говорит о слухах вокруг назначения Лопухина после воцарения Александра I на должность генерал-прокурора, главы Правительствующего Сената. В действительности же Лопухин был назначен в 1802 г. председателем Комиссии для разбора споров по землям и определения повинностей на Крымском полуострове.

[11] Речь идет об Андрее Тургеневе, командированном в это время в русскую дипломатическую миссию в Вене. И. В. Лопухин был по-особому близок и любим в семье Тургеневых.

[12] Упоминания того или иного французского драматурга в письмах Блудова нередко были связаны с какими-то творческими планами, которыми он хотел увлечь Жуковского. Во второй половине 1802 г. в письмах Блудова дважды встречаются заинтересованные упоминания о трагедии Шекспира «Макбет», что, несомненно, было связано с переводом «Макбета» (не сохранился), над которым весной того же года работал Андрей Тургенев, сообщавший о нем Жуковскому в письмах из Вены (см.: *Вацуро В. Э., Виролайнен М. Н.* Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л.: Наука, 1987. С. 401—402, 406—409). Работа вызвала критику со стороны Жуковского, направленную на одну из сцен (с ведьмами) шекспировской трагедии, которую он считал излишней и нехудожественной. Полемика о «Макбете» по сообщениям в этих письмах и записям в дневнике Тургенева оценена исследователями как эпизод, «характерный именно для преромантического литературного сознания» (Там же. С. 353; см. также: *Заборов П. Р.* От классицизма к романтизму // Шекспир и русская культура. М.; Л.: Наука, 1965. С. 83—85; *Левин Ю. Д.* Шекспир и русская культура. Л.: Наука, 1988. С. 16—17). Письмо от 15 авг. 1802 г. вносит в него неожиданный штрих, связывая интерес Жуковского к «Макбету» с его творческими планами. В письме Блудова речь идет об адаптированном переводе шекспировской трагедии, изданном в 1784 г. французским драматургом *Ж.-Ф. Дюси* (Ducis; 1733—1816). Обещанную книгу Дюси Блудов выслал Жуковскому из Петербурга в конце декабря 1802 г. (п. 9).

7
12 (24) сентября 1802. Москва

Москва. Сентября 12-го / 24 дня 1802-го года.

Любезный друг Жуковский, думал, может быть, по моему молчанию, что я уже уехал в Петербург, по мне — что заключить из *его* молчания? Забыл ли он о мне, болел ли он (сего и другого не дай Бог), или ленив, или занят. Если это происходит от лени, то я сердечно прощаю тебе. Если же Музы тебе помешали, то прощаю еще охотнее, ибо чего не простишь любимцу *милых наших*, но ..... <так!> то я рассержусь. Еще же более огорчишь меня, если не станешь писать ко мне в Петербург; сделай милость, вспомни, когда тебе будет лень, что ты отнимаешь у меня одно из первых утешений. Из числа оных будет также удовольствие писать к тебе — всякую почту. Буду писать тебе всё, что я увижу важного, примечательного и любезного, всё, что со мною случится, и даже всё, что буду чувствовать, ожидая с покорностию твоей моральной брани за *романтизм*.

Скажу тебе, что я еду очень скоро в желанный город,[1] что ты часы и медали найдешь у Губарева: я хотел их сдать Рахманову,[2] но он сам едет в Петербург, на сих днях; получа письмо сие, адресуй свои письма в архив на имя мое;[3] если они не застанут меня, то будут верно отосланы; приехав в Петербург, я пошлю к тебе мой адрес, но прежде того ты еще получишь от меня письма, если не из Москвы, то из Твери, из Новагорода[4] и проч. Я еду совсем один, приеду и тотчас побегу в театр, ежели тот день будет спектакль, если нет — пойду бродить по городу, смотреть монумент Петра Великого, Румянцова, Суворова[5] и проч., смотреть и тебе описывать; на другой день увижу Нанину, на третий поеду к ученому Озерову — брату того, которого ты видел,[6] на четвертый явлюсь в Коллегию, на пятый пойду к Державину[7] и так далее. План хорош, но, говорит Вольтер, ничто в свете не случается — точно так, как желают.[8]

Из твоих знакомых (новых) я знаю, то есть видел раз, только барона Черкасова, который мне очень полюбился, славно говорит по-французски, славно поет и, помнится, путешествовал.[9] Чичерина блистает у вас,[10] но ведь она un corps opaque* и в Москве, и в столице не видна между истинными солнцами. Я уверен, что новая твоя элегия «На родине» будет хороша и что мы поставим ее en pendant à l'Epître à Lamoignon.**[11] Но как тебе не стыдно, что ты, переведши Грееву элегию,[12] не пришлешь ко мне копию; или ты думаешь, что я в тебе (и следственно в твоих творениях) не интересуюсь, или ты сам во мне не интересуешься. Пришли, сделай милость, поскорее, я доро́гой буду твердить ее и в столице превознесу до небес. Нового скажу тебе, что

* темное тело (*фр.*).

** в пандан к Посланию к Ламуаньону (*фр.*).

Ко<нстантин> Булгаков, ехав курьером в Неаполь, был на возвратном пути атакован двумя разбойниками.[13] Он застрелил одного, а другой убежал. *Славно!* Vive les archivistes!* Бумага вся, а еще много бы писать. J'aurai la précaution d'écrire à la capitale, sur du plus grand papier.** Прости!

<Запись на вложенном обрывке:> Молодой человек Ильин сочинил драму Лиза; ее играли в Петербурге, и автора вызывали по-парижски. Он показался в ложе, и ему с восторгом хлопали.[14]

---

[1] Речь идет об отъезде Блудова в Петербург.

[2] *Рахманов Петр Александрович* (1779—1813) — музыкант-любитель, математик, с 1808 г. член Ученого комитета по артиллерийской части, в 1810—1813 гг. издатель «Военного журнала», в 1813 г. полковник л.-гв. Преображенского полка. В начале 1800-х гг. Рахманов, офицер пионерного полка, входил в круг московских знакомых Жуковского. У него Блудов хотел оставить выкупленные им медали и часы, которые были заложены Жуковским при отъезде из Москвы в мае 1802 г., поскольку в это время он находился в крайне стесненных обстоятельствах.

[3] Московский архив Коллегии иностранных дел, где служил Блудов до перевода в Петербург.

[4] Тверь, Новгород — города по дороге из Москвы в Петербург.

[5] Блудов называет петербургские достопримечательности — памятник Петру Великому (работы Э. Фальконе, на Сенатской площади, 1782), обелиск «Румянцева победам» (работы В. Бренны, в честь гр. П. А. Румянцева, ныне в Румянцевском саду на Васильевском острове, 1799) и А. В. Суворову (работы М. И. Козловского, ныне на Суворовской площади, 1801).

[6] Одним из упомянутых Озеровых (двоюродных братьев Блудова) был, несомненно, драматург *Озеров Владислав Александрович* (1769—1816), в 1802 г. живший, однако, не в Петербурге, а в тверском имении. Его Блудов характеризует в письме как человека, которого Жуковский уже «видел». В Петербурге же Блудов намеревался посетить, по-видимому, *Озерова Петра Александровича* (1762 — после 1803), советника правления государственного Ассигнационного банка, одного из участников издания в 1788—1789 гг. журнала «Утренние часы» (см.: *Рак В. Д., Степанов В. П.* Озеров Петр Александрович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 379—380). О братьях Озеровых см.: *Сиверс А. А.* Родословие Озеровых. СПб.: тип. Мор. м-ва, 1911. С. 75—77.

[7] Поэт *Г. Р. Державин* приходился Блудову двоюродным дядей.

[8] Источник цитаты из произведения Вольтера обнаружить не удалось.

[9] Последний абзац письма Блудов посвятил откликам на сообщение Жуковского в неизвестном письме к нему о круге своего общения на родине, а также творческих занятиях. Первым назван *барон Иван Петрович Черкасов* (ок. 1761 — после 1841), белевский сосед Жуковского, владелец имения Володьково, адресат его посланий 1806 и 1814 гг.

[10] Блудов пишет Жуковскому о какой-то Чичериной, блистающей в родных краях Жуковского, но при этом связанной и с Москвой, и с Петербургом. По-видимому, речь идет о *Чичериной Елизавете Петровне* (род. 1767), урожд. Деми-

---

* Да здравствуют архивисты! (*фр.*)

** Буду писать в столицу на бумаге больших размеров (*фр.*).

довой, писательнице и переводчице, принадлежавшей по происхождению к приближенным ко двору семействам; после замужества она жила в тульском имении (см.: *Данилевский Р. Ю.* Демидова (в замуж. Чичерина) Елизавета Петровна // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 248—249). Блудов с иронией отзывается о возможности сравнения Демидовой-Чичериной с «истинными солнцами» высшего общества двух столиц (сама возможность такого сравнения говорит о том, что она была там известна). Что же касается семейства ее мужа, то об одном из Чичериных Жуковский упоминал в автобиографической дневниковой записи, посвященной его жизни в Туле в 1795—1796 гг. (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 13. С. 33).

[11] Элегия Жуковского 1802 г. под названием «На родине» неизвестна. Судя по словам о ней Блудова, она еще не была к тому времени написана, а лишь очерчена Жуковским в письме к нему как некий волнующий его замысел. Это вызвало у Блудова ассоциацию с VI посланием *Н. Буало* (Boileau; 1636—1711) «К Ламуаньону» («À M. de Lamoignon», 1677), повествующим о прелестях деревни. У Буало деревня предстает как убежище от жизненных тягот, дарующее истинное спокойствие духа. Описание сельского пейзажа и мирных деревенских досугов украшается в послании приходом Музы, любящей лесную тишь (см.: *Песков А. М.* Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 86; *Богданович Е. В.* Дружеское послание 1810-х годов: образцы и источники // Вестник Пермского ун-та. 2011. Сер.: Рос. и заруб. филология. Вып. 2 (14). С. 133—134). Содержательно с мотивами послания Буало пересекаются «Стихи, сочиненные в день моего рождения. К моей лире и к друзьям моим» Жуковского, датируемые (по дню рождения) 27 янв. 1803 г. (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 58, 438). Замечание Блудова может быть основой комментария к этим стихам Жуковского.

[12] Имеется в виду элегия Жуковского «Сельское кладбище», датируемая маем-сентябрем 1802 г.; верхняя граница датировки определяется по помете в копии А. А. Протасовой (Воейковой): «1802 года в сентябре» (Там же. С. 436). Письмо Блудова от 12 сент. 1802 г. из Москвы подтверждает это свидетельство. «Сельское кладбище» представляло собой перевод знаменитой элегии английского поэта-сентименталиста *Томаса Грея* (Gray; 1716—1771) «Written in a Country Church-Yard» (1751). Копия элегии, о которой Блудов просил Жуковского, была вскоре ему выслана (не сохранилась). Высокий отзыв Блудова о стихотворении см. в п. 9.

[13] *Булгаков Константин Яковлевич* (1782—1835), сослуживец Блудова по Московскому архиву Коллегии иностранных дел, был причислен в 1802 г. сверх штата к русской дипломатической миссии в Вене, что стало началом его успешной карьеры в Министерстве иностранных дел; впоследствии занимал должность московского почт-директора (1816—1819) и петербургского почт-директора (1819—1835). Его брат *Булгаков Александр Яковлевич* служил с марта 1802 г. секретарем посольства в Неаполе. В его письмах, известных в публикации с мая того же года, нет упоминаний о приезде брата Константина в Неаполь, о котором повествует Блудов.

[14] Имеется в виду драма «Лиза, или Торжество благодарности» (1802, публ. 1803) *Н. И. Ильина* (1777 или 1779 — 1823). См.: *Кочеткова Н. Д.* Трагедия и сентиментальная драма начала XIX в. // История русской драматургии, XVII — первая половина XIX века. Л.: Наука, 1982. С. 217—218; *Рогов К. Ю.* Ильин Николай Иванович // Русские писатели, 1800—1917: биогр. словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 413—415.

8

31 октября 1802. Петербург

St. Petersbourg. Le 31 d'Octobre 1802.

Читая твое письмо,[1] подумаешь, что я в самом деле был и есть виноват. Вот что делает красноречие! Если бы я хотя немного меньше был уверен в своей добродетели, то я думаю, что ты убедил бы и меня самого. Но теперь посмотрим, может ли истина сразиться с красноречием и — победить его. Я пишу к тебе одно письмо из Москвы, в котором уведомляю о моем отшествии из оной:[2] получаю в ответ три строчки, наполненные *возбуждением* <по> выкупу твоих медалей и *повелением* ожидать от тебя длинного письма;[3] я не получаю его; признайся, что это досадно: пишу еще письмо; нет ответа; досадно! Пишу, чтоб ты прислал мне свою элегию, думаю, хотя этак заставить тебя отвечать,[4] но нет; очень досадно! Пишу об разных переменах и прошу сказать мне прости: ты и этого не хотел. Наконец написал я отсюда грозную грамоту,[5] и на нее нет ответа; я думал, что ты умер; признайся, что это было бы уж очень досадно. Quoi me disois-je, quoi! Etoit-il capable de me jouer ce tour-là! De mourir!* Ты жалуешься, что я не даю тебе адреса; ну, господин философ и лирик, признайся, что ты бестолков. Разве ты не знаешь, что в Иностранной коллегии меня всегда найти можно, а что квартеры мои меняются; однако ж ныне адресуй: *на Вознесенской улице, в доме Иванова под № 92.* Если ж, чего быть не может, если все сии истины не в состоянии уверить тебя, то да решит наш спор *Марья Николаевна*,[6] некогда, а может быть, и ныне важная в сердце г<осподина> лирика, которая мне сама говорила, сидя в постеле своей и будучи по крайней мере очень слаба, что ты очень ленив, что ты, однако ж, не умер, ибо надписывал, а не писал одно письмо к ней, и что должно *нам всем* (это слова ее) *собраться бранить тебя.* Я, как уже известно, исполнил ее волю, прежде приказания; сказал ей об этом и уверен, что, будучи на твоем месте, я решился бы даже досаждать ей, *pour le plaisir d'être puni.*** Теперь ты побежден, и я оставляю *слог разъяренного человека*, который, не знаю каким образом, я имел. Скажу тебе, что будучи впервой у твоей *Темиры*, со мною случилась странность, но такая странность, которой... я не ожидал и которая сделала первый раз — последним.[7] Но я тебе расскажу это после, расскажу также все странности, которые со мною здесь были и которых, к насчастию, было много. Слава Богу, однако же, что они все кончились очень хорошо; скажу о театре, о новостях литературы и наконец (car on garde le meilleur morceau pour la fin***) о милой, о священной Нанине;[8] но я не знаю, в состоянии ли я буду

---

* Как! — думал я. Может ли он выкинуть такую штуку! Умереть! (*фр.*)

** ради удовольствия быть наказанным (*фр.*).

*** потому что лучшее оставляем на конец (*фр.*).

рассказать тебе о последней. Я часто удивляюсь, отчего так легко чувствовать и так трудно описывать чувства; *например*, я никак не могу тебе изобразить моего желания сделаться тебе полезным: но время сказать каким образом. (Car j'ai beaucoup parlé, sans rien dire*) Г. Каразин, ныне правителем в канцелярии Министерства просвещения[9] (я после скажу тебе о моих связях с ним), говорил мне, узнав о твоей отставке и знав прежде о твоих талантах (он старается всеми способами иметь молодых людей с талантами, а особливо стихотворцев (хороших, разумеется), потому что он сам этого здесь не мастер). Итак, он говорил мне, что он очень желал бы знать, пойдешь ли ты в службу!

— Я не знаю и не приметил в нем сего; но если бы он хотел, то ныне так трудно найти хорошее место...

— Ах, нет! он так хорошо стихи пишет.

— Он же не богат и не мог бы жить в Петербурге своими доходами!

— Ему можно определить хорошее жалование.

— В таком случае... может быть...

Так кончился наш разговор. Любезный друг! не рассердись на меня, что я предлагаю тебе — быть твоим адвокатом, и сделай милость, скажи мне, можешь ли, хочешь ли и каким образом служить при М<инистерстве> П<росвещения>.[10] Отвечай поскорее и обрадуй меня. Я думал, что тебе будет приятно служить в таком месте, где тебе сделают должность из славных твоих склонностей, где ты можешь быть очень полезен и где (не ошибся ли я, думая, что сие не будет неприятно) ты будешь служить вместе с добрым твоим Блудовым; но это еще *тайна*: le doigt sur la bouche!** Я думал также, что если определят тебе рублей тысячу жалованья, то ты можешь жить порядочно. Сделай милость, отвечай поскорее и, сделай милость, согласись. В последнем случае ты можешь написать письмо к Каразину или во всем положиться на меня. Стой перо, бумага вся.

Письмо к Родзянке я отдал М. С. Кайсарову, который обещал отдать его.[11] Найдешь здесь Prospectus du poème du Malheur et Pitié;*** но Бонапарте запретил печатать его.[12] То-то свобода!

---

[1] Письмо Жуковского, на которое отвечает Блудов, неизвестно; возможно, оно было написано 15 сент. 1802 г. (см. упоминание о нем в п. 10).

[2] Имеется в виду п. 6.

[3] Письмо Жуковского к Блудову в «три строчки» по поводу каких-то медалей, заложенных им в Москве, неизвестно. Поскольку ответом на него было письмо Блудова от 12 (24) сент. 1802 г., сообщавшее о судьбе этих медалей, можно предположить, что письмо Жуковского было написано в конце августа — первых числах сентября 1802 г.

---

* потому что я много говорил, ничего не сказав (*фр.*).

** приложим палец к губам (*фр.*).

*** изложение поэмы о Несчастье и Сострадании (*фр.*).

[4] См. п. 7, примеч. 12.

[5] Речь идет о несохранившемся первом письме Блудова к Жуковскому из Петербурга, написанном, по-видимому, в конце сентября — начале октября 1802 г.

[6] Блудов имеет в виду племянницу Жуковского *Свечину Марию Николаевну* (ок. 1781—1821), урожд. Вельяминову, предмет его юношеского увлечения. С 1801 г. она жила с мужем и сестрой в Петербурге. В начале 1800-х гг. Жуковский писал Свечиной письма, передававшиеся ей Андреем Тургеневым, а затем Блудовым, из которых ни одно не сохранилось. Тургенев сообщал Жуковскому в своих письмах разговоры со Свечиной о нем, поскольку они, по-видимому, его очень интересовали (см.: Жуковский и русская культура. С. 378 и след., по Указ.). См. п. 11, примеч. 2.

[7] Темирой Блудов называет Свечину. Несмотря на какую-то оплошность Блудова во время первого визита к Свечиной, он бывал у нее и впоследствии.

[8] *Нанина* — княжна Анна Щербатова.

[9] Имеется в виду *Каразин Василий Назарович* (1773—1842), заслуживший особую доверенность Александра I в начальный период его царствования благодаря изложению своих идей о путях реформирования Российской империи, в том числе о необходимости создания Министерства народного просвещения. Во вновь учрежденном министерстве он занял видное место, став в 1802 г. правителем дел канцелярии и комиссии об училищах, однако вскоре впал в немилость и был уволен в 1804 г. с чином статского советника. Блудов сблизился с Каразиным в момент наивысшего его подъема и в 1803 г. пытался, как об этом пишет его биограф, перейти в Министерство народного просвещения (*Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время. С. 36). Об ожидании «места при министре просвещения» Блудовым см. в п. 10.

[10] Впоследствии, когда в 1818 г. Жуковский был назначен на должность наставника в русском языке при великой княгине Александре Федоровне, он был причислен именно к этому министерству.

[11] Жуковский называет своих соучеников по Университетскому пансиону, живших в Петербурге: *Родзянко Семена Емельяновича* (1782—1808?) и *Кайсарова Михаила Сергеевича* (1785—1825). Письма, адресованные Жуковским к Родзянко в Петербург в 1801—1803 гг., неизвестны.

[12] Имеется в виду поэма *Ж. Делиля* (Delille; 1738—1813) «Несчастье и сострадание» («Le Malheur et la Pitié», в сокращ. 1803, полностью 1804), в которой поэт, сторонник монархии Бурбонов, излагает свои политические взгляды. Какое издание было приложено Блудовым к письму Жуковского, неизвестно. См. п. 15, примеч. 5.

9

Конец декабря 1802. Петербург

Хожу в театр и восхищаюсь.[1] У нас теперь первая французская актриса для маленьких опер: Madame Philis Andrieux.[2] Она играет роли г-жи Dugazon.[3] Если нужно будет, то расскажу тебе о ней и вообще о театре как можно более в первом письме. Что касается до всех происшествий особенных, я не писал к тебе; то может об них тебе рассказать *Рахманов*, ибо рассказывать легче, нежели описывать.

Я отдаю и верно отдаю твои письма *Родзянке*, кроме последнего, которое я возил, но, нашедши комнату запертою, принужден до сих пор держать у себя. Я был у него однажды, сидел долго и счел прият-

ностию, он мне показывал свой перевод Драйденовой оды, *Александрова торжества*,[4] я позволил себе сделать некоторые замечания, он их принял как должно, и мы, кажется, расстались хорошими знакомыми. Я нашел в нем всё, чего ожидал, а ожидал многого. Он немного странен,[5] но с ним я очень легко могу ужиться, имея сам некоторые из его странностей. Я давно уже отказался от острословия, не только с ним, но везде, и так, что уже не умею говорить остроты, если бы и захотел. Вижу теперь, что все зависят более от привычки, нежели от ума. *Родзянка* всё боится смерти и уверял, что не проживет шести месяцев. Я напрасно уверял его в противном, хотя сам видел, по всем признакам, что он в чахотке. Я искренно жалею его, хотя знаком недавно.

Но я, заговорясь о себе, забыл сказать тебе что-нибудь о твоей элегии;[6] выраженное одобрение, конечно, не нужно для тебя. Я скажу, однако ж, что выключка некоторых малых, очень малых, как мне кажется, погрешностей (напр<имер>, *глас утра золотова*[7] и две или три другие), она превосходна, и, не льстя тебе, скажу, что стихи твои — а уж и я знаю, как назвать их, чем больше <читаю>, тем больше вижу сходство в них с Буаловыми стихами.[8] Такая же *полность*, так сказать, почти везде такая же чистота, такие же обороты и *важная гармония* (harmonie grave). Я всегда удивляюсь *полности* этой строфы: Как часто их серпы, и проч. И этой: Таить в душе своей...[9] и проч. на многих других. Вообще, мой друг, твоя элегия не только для твоих лет, но и для всяких лет *прекрасна*. Я назвал ее chef-d'oeuvre* другому, но из твоих сочинений — она не должна быть chef-d'oeuvre.[10] Сделай милость, сообщая мне всё, что сделаешь нового, я с истинным удовольствием учу твои стихи наизусть. Жаль, что ты переменил последнюю строфу твоей элегии; сначала она была прекрасна, а напечатана, не погневайся, право, не хорошая.[11] Родзянка в этом и почти во всем согласен со мною.

Я умею исполнять свое слово и посылаю к тебе Дюсисова «Махбета»[12] и Prospectus** Делилевой поэмы, которую Бонапарте запретил.[13] Прости, мой друг, я уж очень записался, но ты хоть не в один раз прочти мое письмо. Прости, пиши ко мне и адресуй: на Литейную, в дом г-на Арнобольди под № 230. Поклонись Губареву, я скоро стану писать к нему и к Рахманову.

---

[1] Письмо датируется концом декабря 1802 г. по отзыву в нем на публикацию элегии Жуковского «Сельское кладбище», появившуюся в последнем декабрьском номере «Вестника Европы». Восхищение Блудова французским театром, выраженное в письме, было вполне оправданным, поскольку в Петербурге в это время, вплоть до 1811 г., была великолепная французская труппа. См.: *Финдейзен Н. Ф.* Боальдьё и придворная французская опера в С.-Петербурге в начале XIX в. //

* шедевром (*фр.*).

** Изложение (*фр.*).

Ежегодник Императорских театров. 1910. Вып. 5. С. 14—41; *Семенова М. Б.* Французская императорская драматическая труппа // Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия: в 3 т. СПб.: Филол. факультет С.-Петерб. гос. ун-та, 2009. Т. 3, кн. 7. С. 407—414.

[2] О молодой певице французской труппы *Жаннетте Филлис-Андриё* (Phillis-Andrieux; 1780—1838), вызывавшей повсеместное восхищение, см.: *Жихарев С. П.* Записки современника / ред., ст. и коммент Б. М. Эйхенбаума. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 272—273 («...отличный голос, но, сверх того, какая очаровательная актриса!»), 517—518, 670; *Гозенпуд А. А.* Музыкальный театр в России: от истоков до Глинки. Л.: Музгиз, 1959. С. 337.

[3] Имеется в виду оставившая сцену по болезни певица *Луиза Дюгазон* (Dugazon, наст. имя Луиза-Розали Лефевр, Lefebvre; 1755—1821), жена актера французской труппы в Петербурге *Дюгазона* (наст. имя Жан-Анри Гурго; 1743—1809).

[4] Речь идет об оде английского поэта *Джона Драйдена* (Dryden; 1631—1700) «Пир Александра, или Сила музыки» (1697), написанной в честь дня святой Цецилии. В 1812 г. к ее переводу обратился Жуковский (см. примеч. к стих. «Пиршество Александра, или Сила гармонии», здесь же см. о других русских переводах Драйдена, появившихся к тому времени: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 581—584). Перевод С. Е. Родзянки, о котором сообщал Блудов, не сохранился.

[5] Все друзья Родзянки, начиная с Университетского пансиона, отмечали странность как отличительную особенность его характера. К середине 1803 г. всем стало ясно, что это сумасшествие (см.: Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 45—48). О судьбе писем Жуковского к Родзянке см. п. 8, примеч. 11.

[6] Имеется в виду элегия «Сельское кладбище» — см. п. 7, примеч. 12.

[7] Приводимый Блудовым вариант «глас утра золотова» неизвестен, как неизвестно и то, в каком стихе элегии (вероятно, ближе к финалу) он был ранее. Жуковский вносил изменения в текст «Сельского кладбища» и впоследствии, вплоть до последнего прижизненного издания (см. об этом: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 437).

[8] Блудов имеет в виду не какое-либо конкретное стихотворение Буало, а чрезвычайно высоко ценившееся им достоинство всей его поэзии. См. также п. 7, примеч. 11.

[9] Речь идет о строфах седьмой («Как часто их серпы златую ниву жали ~ И по́том их лица кропилася земля!») и девятнадцатой («Таить в душе своей глас совести и чести ~ Дары небесных Муз гордыне посвящать»).

[10] Т. е. не должна быть последним из лучших стихотворений Жуковского.

[11] Последняя строфа в первой публикации «Сельского кладбища»: «На утро пение я слышу гробовое: / Несчастного несли в могилу положить! / Приближься и прочти надгробие простое / На диком камне сем, под коим он лежит» (Вестник Европы. 1802. № 24. С. 324).

[12] См. п. 6, примеч. 12.

[13] См. п. 8, примеч. 12 и п. 14, примеч. 5.

10

22 января 1803. Петербург

Генваря 22-го дня.[1]

Благодаря любезного друга за то, что он — несмотря на все мои вины — еще не забывает меня, я хочу принести ему единственное стра-

дание, которое — всегда могу с ним иметь: я ленив, любезный друг, и ленив неописанным образом; вздумай только, что я от лени двадцать два дни не был у Нанины; после этого, кажется, я могу сказать, что нет в свете человека ленивее меня. Прошу тебя, любезный друг, простить меня и быть прилежнее. Твои письма доставляют мне великое — я скажу — счастие; но они слишком коротки и только *взманивают*. Пиши побольше и чаще, не сердись, если они будут иногда оставаться без ответа, ибо мне гораздо больше пользы от твоих писем, нежели тебе от моих; для того, что тебе нет никакой, а я получаю письма *Великого* человека, кажется, сам становлюсь умнее. Будь уверен, однако ж, что я преодолею лень свою и стану писать, может быть, так часто, что наскучу тебе. Твое письмо от 15-го сентября,[2] в котором ты — может быть, в шутку — велишь мне воспламениться и писать пиесы, обрадовало меня как ребенка. Но как бы ни было, я скажу тебе, что, несмотря на лень и на ужасный холод моих покоев, у меня в голове вертится много планов, au risque d'être raillé j'ai toujours des démangeaisons de devenir auteur.* Признаюсь, однако ж, что еще никогда я не сомневался столь мало в своих силах и не был столь мало доволен собою. Это чувство вместе с ленью мешает мне сделать что-нибудь. Я показывал свою комедию *Полночь*,[3] которая, однако ж, совсем не занимает меня, многим здешним. Ее хвалят, но мой несчастный характер заставляет меня думать, что все лгут. Озеров, который, хотя дурной автор, но разумеет в комедиях,[4] me presse de la faire jouer** и заставил прочитать *Дмитриевскому*,[5] который me pressant aussi,*** говорил несколько раз, что я должен писать для театра и не ленясь, хотя из жалости к тому, что у нас нет ни одного театрального даже изрядного автора; но он, конечно, говорил также из жалости к молодому автору. Я могу положиться на одного любезного *Жуковского*, который, кажется, еще не обманывал меня; для того написать что-нибудь, а прежде всего доставлю тебе, au risque de vous ennuyer,**** и прошу тебя, ради Бога, не пропускай моих пороков и не допусти мне сделаться скупым писателем, или скучным, что всё равно. Скажи мне на будущей почте,[6] отдавать ли мне *Полночь* на театр, и рассмотри план Комедии чувствительного (*неисправленный*), я написал два действия плану <так!>, а третий <план действия?> не пишу от лени, хотя уже сделал давно. Рахманов <перешлет> тебе как-нибудь третие действие.[7] Я не утерпел прочитать его кое-кому, он нравится, но я не верю. Если он годится, то отошли мне его (у меня нет копии), если же нет, то сожги в своей печке и скажи только, что он не годен; с душевною скорбию (*отца*) я перестану об нем думать. Но мне кажется, если я не ошиба-

* рискуя показаться смешным, страшно хочу стать сочинителем (*фр.*).

** торопит меня ее поставить (*фр.*).

*** также торопя меня (*фр.*).

**** рискуя тебе наскучить (*фр.*).

юсь очень грубым образом, что это не случится; не думай, чтоб в число глупых чувствительных я включал *Карамзина*; нет, я имею довольно ума, чтоб сердечно уважать его и его сочинения. Даже если б моя пиеса *сделалась* хороша, то я намерен, pour éviter toute application,* посвятить ее ему. В самой пиесе я буду стараться избегать всего, что он может взять на свой счет.[8] Дурно бы было смеяться над человеком, без которого мы бы, может быть, еще писали варварским слогом *Елагина* и *Сумарокова*.[9] Но, может быть, я становлюсь смешон с своими планами и для того не стану говорить о других, ожидая, что ты скажешь об этом. Если — чего я едва смею надеяться — он полюбится тебе, то я сообщу тебе, написав, третье действие и всё, что я думаю сделать из *Арианы*, *Ариста* и *Подозрительного*.[10] Прости мне, любезный друг, мою беспрестанную сомнительность; она, право, врожденная, и я ей рад от того только, что она уменьшает самолюбие; по крайней мере обо мне нельзя будет сказать: L'ignorance toujours est prête à s'admirer.**[11]

Моя жизнь течет в монотонии, ожидаю места при министре просвещения и так привык ждать, что мне едва ли хочется видеть решение.[12] Прочитал Анахарзиса[13] и научился в нем многому, прочитал Лагарповых *Varvic, Mélanie и Barméides*,[14] душевно удивляюсь двум последним, от которых сам Расин[15] не отказался бы, прочитал множество других трагедий и теперь читаю Бюффона. Удивительный гений, удивительная пылкость воображения и удивительный слог; хотя его система прохождения миров и гипотеза, но прекрасная гипотеза.[16]

---

[1] Комедиографическим опытам Блудова посвящены два его письма, первое из которых отмечено датой «22 января»; следующее письмо, связанное с ним и написанное вскоре после первого, не имеет даты, однако содержит свежую новость — о смерти Ж.-Ф. Лагарпа (см. п. 11), что позволяет оба письма отнести к 1803 г.

[2] Письмо Жуковского к Блудову от 15 сент. 1802 г. неизвестно. См. о нем п. 8, примеч. 1.

[3] Комедия Блудова «Полночь», написанная, по-видимому, в Петербурге в конце 1802 — начале 1803 г., неизвестна.

[4] О драматурге *В. А. Озерове* см. п. 7, примеч. 6. Характеристику «дурной автор» Блудов относил, по-видимому, к его немногочисленным ранним стихотворениям. В январе 1803 г., когда он упомянул об Озерове в письме к Жуковскому, его первая трагедия «Эдип в Афинах» (пост. 1804) еще не была закончена. В 1805 г. Жуковский был посредником в передаче авторского экземпляра «Эдипа...» для постановки в Москве (см. п. 19, примеч. 3).

[5] *Дмитревский Иван Афанасьевич* (1736—1821) — петербургский актер, переводчик, педагог и драматург, пользовавшийся большим авторитетом у авторов сочинений для театра. См.: *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* И. А. Дмитревский: очерк истории русского театра. Берлин: [Петрополис], 1923; *Кукушкина Е. Д., Старико-*

---

* во избежание любых толков (*фр.*).

** Невежество всегда готово восхищаться собой (*фр.*).

ва Л. М. Дмитревский Иван Афанасьевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 266—268.

[6] Письмо Жуковского, в котором он выразил свое мнение о написанной Блудовым комедии «Полночь», неизвестно.

[7] Сохранился автограф подробного плана комедии «Чувствительный» (без названия, известного только из писем Блудова), поскольку Жуковский, в согласии с прозвучавшей в письме просьбой, вернул ему рукопись: РО ИРЛИ, № 21856, 6 л. Автограф включает план только двух действий комедии; третье же, которое Блудов обещал выслать Жуковскому, если он одобрит замысел, не сохранилось. О комедии Блудова см.: *Рогов К. Ю.* Идея «комедии нравов» в начале XIX века в России: дис. ... канд. филол. наук / МГУ. М., 1992. С. 91—92; *Майофис М. Л.* Консервативное крыло общества «Арзамас»: литературная и общественно-политическая позиция С. С. Уварова, Д. Н. Блудова, Д. В. Дашкова: дис. ... канд. филол. наук / РГГУ. М., 2002. С. 289—294 (текст комедии); *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815—1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 356—359; *Березкина С. В.* Театральные замыслы молодого Дмитрия Блудова (по неопубликованным письмам к В. А. Жуковскому 1802—1804 гг.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2022. № 479. С. 41—49. Комедия «Чувствительный» задумывалась Блудовым как выпад против распространяющейся в обществе моды на сентиментализм. Острие сатиры в «Чувствительном» было направлено против «Путешествия в полуденную Россию» (1802) В. В. Измайлова. Жуковский не одобрил замысел комедии «Чувствительный», что остановило работу Блудова. Письмо Жуковского к нему о «Чувствительном» неизвестно. См. п. 12, примеч. 9.

[8] Характеристика замысла комедии в письме Блудова показывает его критичное отношение к творчеству Карамзина, созвучное настроениям большинства членов московского Дружеского литературного общества, которое собиралось в 1801 г. (входивший в него Жуковский не разделял эти настроения). Впервые, что важно, в круг критиков Карамзина попадает молодой Блудов. По мнению В. Э. Вацуро, «и в литературной, и в более общей литературной области участники Дружеского литературного общества ощущали себя как единство, противопоставленное не только “карамзинистам”, но во многом и самому Карамзину. П. И. Шаликов, В. В. Измайлов для них — образцы “ложной чувствительности”» (*Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб.: Наука, 1994. С. 23; см. также с. 20—36, с литературой по этой теме). Блудов намеревался показать в своей комедии, как «чувствительность» уродует жизнь дворянского дома. Критичное отношение к Карамзину отразилось и в письме Блудова от 1 февр. 1804 г. Оно изменилось после личного знакомства с Карамзиным, о чем свидетельствуют его письма от начала и затем конца ноября 1804 г.

[9] Ср. в письме от конца февраля 1803 г. (п. 12). Блудов упоминает *И. П. Елагина* (1725—1793) и *А. П. Сумарокова* (1717—1777) как литераторов, отличавшихся грубостью устарелого русского языка. Ту же литературную репутацию Елагина использовал Пушкин в эпиграмме 1825 г. «Литературное известие» (см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 2019. Т. 3, кн. 1. С. 695—696 (примеч. С. В. Березкиной и Н. А. Карпова)).

[10] Название второй пьесы, из которой восемнадцатилетний Блудов хотел что-то «сделать» для русского театра, вряд ли возможно связать с каким-то конкретным произведением, поскольку Арист — это условное поэтическое имя, встречающееся во многих французских комедиях. Определеннее можно высказаться о двух других произведениях, вдохновлявших Блудова. Первое из них («Ариана») — это, по-видимому, трагедия *Т. Корнеля* (Corneille; 1625—1709) «Ариадна» («Ariane»,

1757; в переработке П. А. Катенина была поставлена на русской сцене в 1811 г.), второе («Подозрительный») — комедия «Недоверчивый» («Le Méfiant», пост. 1785) Бореля (Borel).

[11] Цитата из «Поэтического искусства» («L'art poétique», 1669—1674) Н. Буало, песнь I; пер. Э. Л. Линецкой: «Пристало лишь глупцу себя хвалить всегда».

[12] О попытке Блудова перейти на службу в Министерство народного просвещения см. п. 8, примеч. 9.

[13] Имеется в виду книга *Ж.-Ж. Бартелеми* (Barthélemy; 1711—1795) «Путешествие младшего Анахарсиса по Греции...» («Voyage du jeune Anacharsis en Grece...», 1788), одно из самых популярных сочинений конца XVIII в., содержащее беллетризованное описание истории, культуры и философии Древней Греции (первый том книги в русском переводе вышел в середине 1803 г.).

[14] Блудова, увлеченного Лагарпом, привлекают в его обширном трагедийном наследии различные по тематике сочинения: «Мелани» (см. о нем п. 2, примеч. 2), «Граф Варвик» («Le comte Warwick», пост. 1763) по сюжету из истории войны Алой и Белой розы (в 1814 г. трагедия вышла в русском переводе О. С. Ширяева; в 1811 г. была поставлена в Петербурге французской труппой), «Бармакиды» («Les Barmécides», пост. 1778) о падении могущественного древнеперсидского рода.

[15] Блудов сравнивает Лагарпа, трагедии которого отличались искусным построением и богатством исторических сюжетов, с *Ж.-Б. Расином* (1639—1699), великим французским драматургом.

[16] Имеется виду известный французский натуралист *Ж.-Л.-Л. Бюффон* (1707—1788), автор многотомной «Всеобщей и частной естественной истории» («Histoire naturelle, générale et particulière», 1749—1788), вышедшей в русском переводе в 1789—1790 гг. (2-е изд.: 1792—1794) и пользовавшейся большой популярностью в России. Бюффон, захваченный идеей единства органического мира и изменчивости видов, писал в ней о формировании Земли и земной поверхности, описывал животных, растения, минералы. Гипотезам о происхождении миров, заинтересовавших Блудова, посвящены его «Теория земли» («Theorie de la terre», 1749) и «Эпохи природы» («Les epoques de la nature», 1778).

11

10—12 февраля 1803. Петербург

Je vous salue!*[1]

Не входя в подробности и не ища причины твоей лени, я скажу только, что я не уступаю тебе в оной. Письмо pour la Madame Laura** я как-нибудь отдам. Прошедшее у нее.[2] Ты получишь с этим письмом портреты *Петрарха*[3] и *Делиля*. Что касается до моего: то <1 нрзб.> я буду довольно счастлив, что *Нанина* спишет его для себя, так я попрошу ее и для тебя сделать копию.[4] Твою книгу (1) <сноска в виде единицы в скобках, внизу:> Esprit de l'Histoire*** поищу, но без надежды.[5] О первой же ты ко мне никогда не писал. Досадно, что ты всегда обещаешь писать много и ничего не пишешь.

---

* Приветствую тебя! (*фр.*)

** для мадам Лауры (*фр.*).

*** Дух истории (*фр.*).

Тургенев здесь.[6] Его грубое и глупое острословие несносно. Он давно в ссоре с Родзянкой;[7] а вчерась и я с ним поссорился.

С печалию уведомляю тебя, что *Лагарп* умер.[8]

Adieu.*

Скажи мне что-нибудь о моем *Чувствительном*.[9]

---

[1] Письмо датируется 10—12 февр. 1803 г. по сообщению о приезде Андрея Тургенева и смерти Лагарпа (см. ниже). «Je vous salue» — первые слова молитвы «Ave Maria» во французском переводе.

[2] Речь идет о М. Н. Свечиной, которую Блудов называет «Madame Laura», намекая на незатухающую любовь к ней Жуковского. Письма его к Свечиной за 1803 г. неизвестны. См. п. 8, примеч. 6.

[3] «Петрарх» — традиционная для XVIII в. русская огласовка имени итальянского поэта эпохи Возрождения *Франческо Петрарки* (1304—1374). Интерес к его поэзии обостряется в России в 1790—1800-х гг. (см.: *Пильщиков И. А.* Петрарка в России: (очерк истории восприятия) // Петрарка в русской литературе. М.: Рудомино, 2006. Кн. 1. С. 21). Среди петербургских приятелей Блудова был автор двух переводов из Петрарки, опубликованных в 1798 и 1801 гг. и пользовавшихся большой популярностью среди членов Дружеского литературного общества, которые любили их распевать на своих встречах (см.: *Кайсаров М. С.* Сонет. Подражание Петрарху; Сонет. Вольный перевод с италианского из Петрарка // Там же. С. 70—71).

[4] По-видимому, речь идет о каком-то сочинении Блудова, которое просил переписать Жуковский.

[5] Имеется в виду четырехтомный труд французского публициста и политического деятеля *А.-Ф.-К. Феррана* «Дух истории, или Письма отца к сыну о политике и морали...» («L'esprit de l'Histoire, ou Lettres politique et morales d'un pere a son fils...»), появившийся в Париже в 1802 г. Блудов выслал Жуковскому два первых тома, после знакомства с которыми Жуковский решил перевести труд Феррана и увлек этим замыслом Андрея Тургенева. Два последних тома были отосланы Блудовым в октябре 1803 г. — см. п. 14, примеч. 3.

[6] Блудов говорит о возвращении Андрея Тургенева в Петербург 1 февр. 1803 г. Жуковский узнал об этом не от Блудова, а, вероятнее всего, от самого возвращавшегося в Россию Тургенева. Далее Блудов упоминает «грубое и глупое острословие» Тургенева, что, по-видимому, подразумевает характерную для него в это время склонность к грубым фразеологизмам.

[7] Нелады в отношениях Андрея Тургенева с С. Е. Родзянко начались в ту пору, когда он, приехав в Петербург в 1801 г., поселился с ним на одной квартире. Через месяц он был вынужден уехать от Родзянко из-за постоянных ссор. В 1803 г. Тургенев писал А. Кайсарову: «Родзянка с жаром, слезами жалуется, что я злодей его, что я очернил его перед всеми общими нашими приятелями <...> вся моя вина в том, что я иногда только шутил над ним, и то не иначе как в глаза» (*Зорин А. Л.* Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 472).

[8] Ж.-Ф. Лагарп умер 30 янв. (11 февр.) 1803 г. О чувстве большой потери в связи с его кончиной свидетельствуют три посвященные Лагарпу статьи, которые поместил в 1803 г. Карамзин в «Вестнике Европы» (см.: *Кочеткова Н. Д.* Пере-

---

* Прощай (*фр.*).

вод книги Ж.-Ф. Лагарпа «Ликей, или Круг словесности древней и новой», осуществленный Российской академией // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. СПб., 2009. Вып. 5. С. 133).

[9] Речь идет о плане комедии «Чувствительный» — см. п. 10, примеч. 6—8.

12

Конец февраля 1803. Петербург

Я пишу к наибеднейшему <?> другу только спеша исполнить его поручение.[1] Но ты знаешь, что по смешной неосторожности Рахманова я не могу сам взять твоего письма без Свечиной, и следственно Андрей Ив<анович> получит оба письма.[2] Родзянка получил твое письмо и поэму, ибо я ее видел у него с твоими поправками.[3] Прости.

Я вдруг получил оба письма свои,[4] ибо переменил квартеру: я живу *в Захарьевской улице у Таврического дворца в доме генерал-лейтенанта Котепина* <?>. Пиши ко мне чаще и не таким каноническим слогом.[5] Пиши мне о Москве, а еще больше о себе и своих произведениях. Что делает Элоиза и Абелярд?[6] Не будь ленив ко мне теперь отправить 1-й № Вестника, а я спешу его читать.[7] Скажу тебе (называй меня странным или чем хочешь), что у меня с некоторого времени великое сомнение: имею ли я способность писать или нет; если нет, то лучше провести жизнь в весельях, нежели трудолюбием попасть в пару Тредиаковскому;[8] и я не знаю, что делать. Осмелюсь ли я спросить решения у тебя, у тебя, который... но я не хочу досаждать твоей скромности.[9]

---

[1] Написано Блудовым в конце февраля 1803 г. — после письма, датируемого 10—12 февр. 1803 г., с сообщением Жуковскому о приезде Андрея Тургенева (см. п. 11, примеч. 1). В комментируемом письме, отнесенном к концу февраля 1803 г., Тургенев упоминается Блудовым уже без указания на его появление в Петербурге. Кроме того, письмо, сообщавшее в конце февраля об адресе Блудова, несомненно, предваряло апрельское письмо 1803 г., где речь вновь шла о его переезде (п. 13).

[2] Письмо Блудова от конца февраля 1803 г. написано после получения им письма Жуковского, ошибочно датированного в издании серединой ноября 1801 г. (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 13, 599). Ошибочность этой датировки доказывается тем, что Блудов, находившийся в ноябре 1801 г. в Москве, назван в самом тексте письма среди живущих в Петербурге друзей Жуковского, что является явной биографической погрешностью. По-видимому, правильная датировка письма Жуковского, напечатанного в издании, — начало февраля 1803 г. В нем поэт извещал Блудова: «Теперь я расположил свою корреспонденцию так, что ты, Анд<рей> Ив<анович> и Родзянка будете получать мои письма через две почты...» (Там же. С. 13). Это сообщение объясняет путаницу с письмами от Жуковского, о которой Блудов сообщает ему в письме от конца февраля 1803 г. о невозможности получить «письма» из-за какой-то «неосторожности» Рахманова. Одно из этих писем адресовалось, несомненно, к М. Н. Свечиной и было послано Жуковским с письмом к Блудову.

[3] В этом же письме от начала февраля 1803 г. Жуковский спрашивал Блудова о С. Е. Родзянко: «...получил ли он мое письмо, в котором я послал ему The traveller, Гольдсмитову поэму» (Там же. С. 13). Отвечая ему в конце февраля, Блудов удостоверяет получение Родзянкой сделанного им перевода поэмы, причем с поправками Жуковского. Об интересе Жуковского к поэме *О. Голдсмита* (1728—1774) «Путешественник» (1764) см.: Там же. С. 599.

[4] Имеются в виду два письма Жуковского, адресованные Блудову.

[5] Стиль краткого письма Жуковского от начала февраля 1803 г., действительно, можно характеризовать формулой Блудова «канонический слог».

[6] Блудов имеет в виду работу Жуковского над стихотворным «Посланием Элоизы к Абеляру» (опубл. 1901), являющимся свободным переводом эпистолы *А. Попа* (Pope; 1688—1744) «Eloisa to Abelard» (1717). «Послание...» было начато Жуковским в 1802 г. и оставлено незавершенным в 1806 г. (см.: Там же. Т. 1. С. 455—457).

[7] Желание Блудова читать первый номер «Вестника Европы» за 1803 г. было, по-видимому, намеком на какую-то планировавшуюся, но не осуществленную публикацию Жуковского.

[8] Имеется виду поэт, переводчик и филолог *В. К. Тредиаковский* (1703—1768). См. п. 10, примеч. 9.

[9] Еще одна попытка Блудова побудить Жуковского дать отзыв о его комедиях «Полночь» и «Чувствительный», о котором он просил его 22 янв. 1803 г. (п. 10, примеч. 6—8) и 10—12 февр. 1803 г. (п. 11, примеч. 9).

13

Апрель 1803. Петербург

Надписывай ко мне: в Садовой улице, против ворот Михайловского замка, в доме Петра Ивановича Турчанинова.

Андрей Ивановича пожитки только что привезли в мою квартиру: он будет жить со мной вместе; я этому очень рад.[1] Приезжай к нам!

---

[1] Автограф представляет собой отрезанную приписку от какого-то письма к Жуковскому и датируется апрелем 1803 г. В письме от начала февраля 1803 г. Жуковский просил Блудова о передаче письма Андрею Тургеневу с оговоркой: «Ты знаешь ведь, где он остановился» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 13; о датировке этого письма см. п. 12, примеч. 2). Последующий переезд Тургенева к Блудову, о котором говорится в комментируемой приписке, произошел, по-видимому, в апреле 1803 г. (возможно, после отъезда из Петербурга в феврале-марте 1803 г. родителей Тургенева, приезжавших повидаться с ним). 28 мая 1803 г. в канун отъезда Блудова в Москву, где ему предстояло провести около месяца, Тургенев писал Жуковскому: «С Блудовым мы славно здесь поживали, хотя часто спорили <...> Ты бы приехал, брат, в Петербург, хоть на месяц с Блудовым, когда он будет возвращаться»; здесь же он писал, что ему «жаль <...> расстаться» с ним (Жуковский и русская культура. С. 427); по-видимому, об этом их совместном проживании идет речь и в письме Тургенева к Жуковскому от начала мая 1803 г. (Там же. С. 426). На этой же квартире 8 июля 1803 г. Андрей Тургенев и умер — см. следующее письмо и примеч. к нему. Дом около Михайловского замка принадлежал известному масону *П. И. Турчанинову* (1737—1824).

14

20 ноября 1803. Петербург

Из Петербурга
Сего ноября 20-го.

Наконец я могу писать к тебе, любезный друг, и следственно, просить у тебя прощения.[1] Для чего я не писал к тебе до сих пор, для чего, казалось, забыл тебя?.. Ответ известный: для того, что ленился; и теперь тороплюсь писать и пишу мало, для того, что не перестал быть ленивым. Вероятно, никогда не перестану, однако ж буду писать к тебе и часто, ибо дружба побеждает все трудности. Если б ты знал, как ужасно было для меня не получать о тебе никаких известий и, по обыкновению, сомневаться в твоей дружбе (хотя ты мне запретил это делать), то, конечно, простил бы мне мою вину, которая меня сама уже наказывала. Впрочем, я имел причины молчать: сначала для того, чтоб не возвещать тебе о потере друга, после для того, что не знал, как себя извинить в беспечности непростительной, в рассуждении нашего доброго и любезного Андрея Ивановича, за которую ты по справедливости на меня сердился и которой я сам не понимаю и не прощу себе (надеюсь, однако ж, что *ты* меня простишь и что гнев будет гневом друга; vous ne pouvez pas m'en dire plus, que je ne m'en dis moi-même, et nous nous parlons si rarement, qu-il ne faut pas perdre le temps en reproches*). После... не писал оттого, что должен был написать письмо длинное; такое, как теперь. Сделай милость, помирись со мною, то есть отвечай мне: брани меня, или лучше не брани, потому что я жалок. Надеюсь, друг мой, что ни отдаление, ни долгое молчание, ни мои глупости не лишат меня твоей дружбы; надеюсь, если могу судить о тебе, по себе самому.

Желал бы сказать тебе что-нибудь об Андрее Ивановиче, то есть о моих сожалениях, но не могу, потому что пришел сейчас от *одной женщины*; et quand la tête est remplie de frivolités, d'obscenités peut-être, ce n'est pas le temps de parler d'amis morts.** Скажу только, что я стал любить его гораздо больше с тех пор, как нет его; по крайней мере мне так кажется; может быть, также сожаление *уведомило* меня о всей моей привязанности к нему и о всех его достоинствах. Замечаю также, что я и тебя люблю гораздо больше, когда мы розно, нежели, когда вместе. Прости, друг мой, люби меня столько же, как я тебя, пиши больше; пиши обо всем, что касается до тебя, о твоих делах бессмертных (à propos, est-il vrai, que *vous* serez le rédacteur du Courrier d'Europe?***[2]), о всех своих упражнениях. Прости. Ты, я думаю, полу-

* ты не можешь сказать мне об этом больше, чем я сам себе говорю, а мы разговариваем так редко, что незачем тратить время на упреки (*фр.*).

** а когда в голове фривольности, может быть, даже непристойности, не время говорить об умерших друзьях (*фр.*).

*** кстати, это правда, что *ты* будешь редактором Вестника Европы? (*фр.*)

чил L'Esprit des lois, два последние тома,[3] и своего Телемаха,[4] и поэму La Pitié, которая (par parenthèse*) не годится никуда.[5] Прости. Je vais retrouver une Nymphe qui m'attend.**

---

[1] Письма Блудова к Жуковскому от 20 нояб. и 10 дек. 1803 г. посвящены смерти Андрея Тургенева, скончавшегося 8 июля 1803 г. от сыпного тифа. Обстоятельства ее освещены в изд.: *Истрин В. М.* Из архива братьев Тургеневых: смерть Андрея Ивановича Тургенева // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 3. Отд. II. С. 1—36; *Зорин А. Л.* Появление героя. С. 480—488. В этих работах остались неучтенными, во-первых, письма Блудова от 20 нояб. и 10 дек. 1803 г., а во-вторых, письмо Жуковского к нему от 7 нояб. 1803 г. (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 18—19 (1-я публ.), 602—603); до знакомства с письмами Блудова не было известно, что с апреля 1803 г. он жил с Тургеневым на одной квартире (см. предыдущее письмо и примеч.), поэтому слова в письме Жуковского «ты <...> видел его в последние минуты его жизни» (подлинник по-фр.) остались без комментария. Блудов, однако, иначе обозначил свое местонахождение в день смерти Тургенева, ответив Жуковскому, что он о ней «узнал» (т. е. с ним рядом его в этот день не было) — см. п. 15, примеч. 4. Жуковский был возмущен тем, что Блудов не написал ему о смерти Тургенева. По-видимому, до Блудова дошли слухи от кого-то из петербургских приятелей (вероятнее всего, от братьев Кайсаровых) о том, что Жуковский «сердился» на него за «беспечность непростительную, в рассуждении нашего доброго и любезного Андрея Ивановича», что, наконец, и побудило его написать 20 нояб. 1803 г. письмо к нему с извинениями за молчание. 10 декабря Блудов отправил ему еще одно письмо о смерти Тургенева, поскольку получил от Жуковского письмо от 7 нояб. 1803 г., поставившее под сомнение их дружбу и содержавшее горькие упреки ему. В письме от 10 дек. 1803 г. Блудов назвал свое предшествующее послание Жуковскому «письмом вертопраха» (подлинник по-фр.). Ответом ему стало умиротворенное письмо Жуковского от 21 янв. 1804 г. (Там же. С. 20—22). См.: *Березкина С. В., Дмитриева Н. Л.* О смерти Андрея Тургенева по неопубликованным письмам Д. Н. Блудова к В. А. Жуковскому 1803 года // Русская литература. 2023. № 3. С. 107—117.

[2] Вопрос Блудова свидетельствует, что уже в конце 1803 г. появились слухи о Жуковском как редакторе журнала «Вестник Европы». Они, несомненно, были связаны с приездом Жуковского к Карамзину в мае 1803 г., когда он жил у него на даче в подмосковном Свирлове. Редактором журнала, однако, Жуковский стал только в 1808 г.

[3] Речь идет о посылке книг Жуковскому, которую Блудов не сопроводил письмом к нему. Именно этот жест недовольный Жуковский назвал в своем письме к Блудову от 7 нояб. 1803 г. «пантомимой» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 18). Среди полученных им книг были последние два тома труда Феррана «Дух истории, или Письма отца к сыну о политике и морали...» — см. п. 11, примеч. 5. Перевод «Духа истории...», планировавшийся Жуковским совместно с Андреем Тургеневым, неоднократно упоминался в его письмах весной 1803 г. (см. об этом: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 602—603). Блудов в письме привел название труда Феррана с ошибкой, вызванной воспоминанием о книге «De l'Esprit des loix» («О духе законов», 1748) *Ш.-Л. Монтескье* (Montesquieu; 1689—1755); о том, что им выслан был именно Ферран, свидетельствует

---

* в скобках (*фр.*).

** Иду к одной Нимфе, меня ожидающей (*фр.*).

письмо Жуковского от 7 нояб. 1803 г., где приведено точное название его труда (Там же. С. 18). Посылка томов Феррана Блудовым могла быть связана с какой-то предсмертной просьбой Тургенева. В библиотеке поэта издание не сохранилось.

[4] Имеется в виду роман *Ф. Фенелона* (Fénelon; 1651—1715) «Приключения Телемака» (1699), сохранившийся в библиотеке Жуковского только в русском издании 1839 г. Возвращение Жуковскому какого-то принадлежащего ему издания («...ты, я думаю, получил <...> своего Телемаха...») могло быть связано с разбором книг Андрея Тургенева.

[5] Поэма Ж. Делиля была опубликована в 1803 г. под названием «La Pitié» («Сострадание»), в 1804 г. — под названием «Le Malheur et la Pitié» («Несчастье и сострадание»). См. п. 8, примеч. 12, а также п. 9.

15

10 декабря 1803. Петербург

10 Décembre

Je vous écris à la hâte, mon bon ami, et je vous écris avec de l'encre rouge n'en ayant pas d'autre dans l'instant. Je vous demande bien des pardons pour mon silence, et je vous en demande bien d'autres pour ma dernière lettre, que vous devez avoir reçue et qui est celle d'un étourdi. Je sens bien que ce n'étoit là le ton, dont devoit être une lettre qu'on écrit à un homme affligé; surtout quand on doit l'être soi-même et qu'on l'est en effet malgré les apparences. Mais je vous écrivois dans un de ces accès de gaieté folle, qui me viennent fort rarement et qui me viennent toujours mal-à-propos. J'espère que vous voudrez bien me pardonner tout cela, du moins en faveur de ma sincérité; j'espère que vous ne voudrez pas me juger d'après quelques étourderies, où j'ai paru plus coupable que je ne l'étais.

J'ai maintenant à vous parler de votre lettre que j'ai reçue un mois après son départ. (C'est bien du plaisir retardé.) Je vous remercie et vais vous répondre comme je pourrai.

Vous me grondez et vous avez raison. Vous me pardonnez et vous avez bien raison encore, car je le mérite au moins autant que les reproches. Vous me demandez si je veux *rester* votre ami? Cette demande seroit impardonnable dans une autre occasion: elle n'est peut-être que juste en celle-ci. En tout cas la réponse n'est point douteuse: j'entends trop mes intérêts pour me priver de l'amitié *d'un homme tel que vous* et surtout de *votre* amitié. Cette phrase est précieuse, mais n'importe, elle rend bien ma pensée, et je vous aime autant pour vous-même que je vous estime pour votre mérite. Ne doutez pas de mes sentiments, mon ami, et laissez-moi douter tout seul, puisqu'enfin la nature m'a fait douteur. Je ne sais pas, si c'est par politesse que vous me reprochez de ne vous avoir consolé sur la mort de *notre* ami. Je sais bien toujours que ce n'est pas là mon affaire et je ne suis pas plus en état de consoler les personnes vraiment affligées, que celles qui ne le sont pas. Le premier emploi est impossible, le second est ridicule. Vous n'êtes pas dans la règle générale, mais vous ne pouviez pas non plus être consolé

ni par moi, ni par personne. Ce qu'il falloit faire? C'etoit de nous affliger ensemble, et en ne le faisant pas, j'ai beaucoup perdu. Ce n'est pas, mon cher, par froideur, mais bien par intérêt que j'ai laissé à d'autres à vous apprendre la nouvelle de la mort de Tourguénef. Mettez-vous un moment à ma place et jugez s'il n'étoit pas possible de vous annoncer un événement auquel pourtant je n'ai pu croire, lorsqu'on me l'apprit, et auquel je ne puis encore penser sans douleur. Non, mon cher, ce n'est point aux affligés à s'apprendre le sujet de leurs pleurs: ce soin est mieux rempli par un homme indifférent, ou du moins par un homme qui ne fait que *prendre part* à notre douleur.

Je sens que ma lettre sera trop longue, mais j'ai tant de choses à vous dire... Bornons-nous à celles qui vous consernent. Votre commission étoit remplie avant que je reçoive votre lettre. Les papiers d'A... sont encore ici. Les Mrs Kayssaroff doutent s'ils les renverront à son père, ou à son frère, qui les redemande, et je serais pour le dernier. Je ne sais pas exactement en quoi ils consistent, mais il s'y trouve une partie de son journal et des différentes lettres qu'il a reçues: le reste est encore à Vienne. D'ailleurs Kayssaroff n'a voulu entrer avec moi en aucun détail sur tout cela, peut-être par discrétion. Une chose assez singulière et que je puis vous apprendre: à vous sans craindre d'être ridicule c'est qu'à la dernière feuille de son journal écrite quelques jours avant sa maladie il parle longtemps de la mort et dit qu'il trouve la plus grande douceur à y songer. Je ne veux pas en faire preuve pour les pressentiments auxquels j'ai toujours tenu, comme vous le savez bien; mais peut-être il est consolant pour ses amis de penser qu'il a reçu le trépas sans s'effrayer et que sa mort n'a été un mal que pour les autres. Vous apprendrez sans doute avec plaisir que cet excellent ami étoit encore l'homme le plus bienfaisant. Vous le saviez déjà peut-être; pour moi je ne l'appris qu'après sa mort et pourtant je le voyois tous les jours. Nous avons beaucoup perdu, mon ami, et nous ne sommes pas les seuls: nous ne ferons sans doute pas d'élégie sur sa mort, mais malheur à nous, si jamais nous oublions combien nous lui devons de regrets.

Que vous dirai-je de Rodzianka. Il est à la campagne chez son père; toujours malade (d'esprit), mais qui, dit-on, va mieux. Avant son départ il vous a écrit une lettre, dans laquelle il disoit qu'il rompoit avec vous et que vous étiez le plus perfide des hommes. Kayssaroff l'a détourné de vous l'envoyer. Vous ne vous en fâcherez pas et c'est pour cela que je vous le dis. On m'a appris encore que son père avoit le dessein de le marier. A moins qu'il n'ait entièrement changé, je crois qu'une femme lui sera insupportable, et *in vice versa*. En tout cas il est bien malheureux. Il n'a point eu de fièvre brulante, mais la cause de sa maladie a été son entière solitude et surtout son inaction. Il faut avouer que les jeunes gens de quelques talents sont bien embarassés sur le genre de vie. Soyez du monde et vous devenez frivoles, et adieu les talents; vivez seul et vous perdez l'esprit. Heureux qui comme vous peut passer une partie de son temps dans une agréable solitude et l'autre dans la société des gens de lettres.

Vous dites que vous ne faites rien et c'est bien mal faire. Je ne sais pourquoi cette oisiveté, mais si c'est de douleur, j'en suis bien plus fâché encore que du reste. Mon ami, c'est aux occupations à nous consoler, et c'est même le seul moyen de l'être.

...Exilés dans ce séjour profane
Cultivez les arts enchanteurs.

Occupez-vous, mon cher, pour votre bien, et pour le notre et m'écrivez du moins quelques fois. Ignorant si vous êtes à Belief ou à Moscou j'adresse ma lettre à Bosniak. Vous trouverez mon adresse. Pour celle de Kayssaroff elle est inutile: je le vois souvent et puis lui remettre vos lettres.

Mon adresse:

За Литейной улицею, в новой Италианской слободе, в доме Татаринова.

Перевод:

10 декабря

Тороплюсь написать тебе, мой добрый друг, пишу красными чернилами, поскольку других нет под рукой. Прости меня за молчание, и еще более за последнее письмо, которое ты, должно быть, получил, и это письмо вертопраха.[1] Чувствую, что тон письма не тот, каким должен бы быть тон письма, обращенного к скорбящему человеку, тем более что и автор письма должен скорбеть, и так оно и есть на самом деле, вопреки видимости. Но я писал к тебе, когда на меня напал приступ безумного веселья, что со мной случается крайне редко и всегда некстати. Я надеюсь, ты простишь меня за все это, хотя бы ради моей искренности. Я надеюсь, ты не станешь судить меня за мое легкомыслие, я кажусь более виноватым, чем я есть на самом деле.

Теперь хочу поговорить о твоем письме, которое я получил через месяц после его отправки.[2] (Вот отложенное удовольствие.) Благодарю тебя и отвечу, как сумею.

Ты меня ругаешь, и ты прав. Ты меня прощаешь, и ты опять прав, так как я этого заслуживаю, по крайней мере, не меньше, чем упреков. Ты меня спрашиваешь, хочу ли я *оставаться* твоим другом.[3] Этот вопрос был бы непростителен при других обстоятельствах: возможно, он справедлив в данной ситуации. В любом случае не следует сомневаться в ответе: я слишком дорожу своими интересами, чтобы потерять дружбу *такого человека, как ты*, и особенно *твою* дружбу. Эта фраза получилась манерной, ну и пусть: она верно передает мою мысль, и я равно люблю тебя самого и уважаю тебя за твои достоинства. Не сомневайся в моих чувствах, друг мой, и позволь мне одному сомневаться, потому что я от природы человек сомневающийся. Не знаю, из вежливости ли ты упрекаешь меня в том, что я не утешал тебя по поводу смерти *нашего* друга. Я знаю, что это не моя стихия, и я не умею утешать как тех, кто действительно скорбит, так и тех, кто рав-

нодушен. Первое невозможно, второе нелепо. Ты — особый человек, но ни я, ни кто другой не в состоянии тебя утешить. Что же нужно было делать? Скорбеть вместе, и я, не сделав этого, многое потерял. Дорогой мой, то, что я решил, чтобы другие сообщили тебе о смерти Тургенева, — это не из-за равнодушия, а, напротив, из сочувствия. Поставь себя на мое место и подумай, каково сообщить тебе такую новость, которой я не мог поверить, когда я ее узнал,[4] и о чем и сейчас не могу думать без страдания. Нет, мой дорогой, сообщать друг другу о горестных событиях следует не тем, кто скорбит: лучше это поручить незаинтересованному лицу или тому, кто только *соболезнует* нашему горю.[5]

Чувствую, что мое письмо получится слишком длинным, но мне столько всего надо тебе рассказать... Ограничимся тем, что касается тебя. Твое поручение было выполнено раньше, чем я получил твое письмо. Бумаги А<ндрея> еще здесь. Кайсаровы колеблются, отослать ли их его отцу, или брату, который их запрашивает.[6] Я за последний вариант. Не знаю точно, что они включают, но там есть часть его дневника и разные письма к нему.[7] Все остальное еще в Вене.[8] Впрочем, Кайсаров не захотел сообщить мне подробности обо всем этом, возможно из соображений корректности. Есть одна особенная вещь, которую я могу тебе рассказать: именно тебе, не боясь показаться смешным, — на последней странице его дневника, где он писал за несколько дней до болезни, он много говорит о смерти и спокойно размышляет о ней.[9] Я не хочу говорить тут о доказательстве предчувствий, в которые я всегда верил, как ты знаешь; но, может быть, утешительно для его друзей думать, что он ушел в мир иной без страха и что его смерть оказалась горем только для других. Без сомнения, ты с удовольствием узнаешь, что этот прекрасный друг был благодетелем.[10] Возможно, ты уже это знал: я об этом узнал только после его смерти, а ведь я его видел каждый день. Мы многое потеряли, мой друг, и не мы одни: мы, конечно, не станем писать элегию на его смерть,[11] но горе нам, если мы забудем, как нам его не хватает.

Что сказать тебе о Родзянке? Он в деревне у отца; по-прежнему болен (душевно), но, говорят, ему лучше. До отъезда он написал тебе письмо, в котором говорил, что порывает с тобой и что ты самый коварный из людей. Кайсаров уговорил его не отсылать письма. Ты на это не рассердишься, потому я тебе об этом и сообщаю. Мне сказали еще, что его отец имел намерение женить его. Если только он совершенно не изменился, думаю, жена для него невыносима, и *in vice versa.** Так или иначе, он очень несчастен. У него не было горячки, но причина его болезни — полное одиночество и, главное, бездеятельность.[12] Надо признать, что молодые люди, наделенные хоть какими-то талантами, оказываются в затруднении перед жизнью. Живите

* наоборот (*лат.*).

в свете и станете легкомысленны, и тогда прощайте, таланты; живите в одиночестве и лишитесь ума. Счастлив тот, кто, как ты, может проводить часть времени в приятном одиночестве, а другую — в обществе литераторов.

Ты говоришь, что ничем не занимаешься и что это плохо.[13] Не знаю, отчего эта праздность, но, если это от горя, это еще более досадно, на мой взгляд. Друг мой, утешения надо искать в занятиях, и это единственный способ для этого.

...Теперь томяся в злой стране сует и муки,
Старайтесь изучать приятные науки.[14]

Найди занятие, мой дорогой, для твоего блага и для нашего, и пиши мне иногда. Не зная, в Белеве ты или в Москве, посылаю письмо Бошняку.[15] Ты найдешь мой адрес. Что касается адреса Кайсарова, он не нужен: я его часто вижу и могу передать ему твои письма.

Мой адрес:

---

[1] «Письмом вертопраха» Блудов называет свое первое письмо к Жуковскому о смерти Андрея Тургенева от 20 нояб. 1803 г. (п. 14, примеч. 1); вторым было письмо от 10 дек. 1803 г.

[2] Речь идет о письме Жуковского к Блудову от 7 нояб. 1803 г. с упреками в молчании по поводу смерти Андрея Тургенева.

[3] Жуковский писал Блудову: «Я не могу заставлять любить меня, это твое дело или, лучше сказать, дело твоего сердца. Но если я могу полагаться на свое впечатление, я верю, что ты мне друг, по крайней мере, ты мне казался другом. Теперь твое дело меня разубедить. Мне нужно всё или ничего. В дружбе не бывает середины. Будь добр написать, если ты не переменился в отношении ко мне» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 19, подлинник по-фр.).

[4] Слова Блудова о том, как он воспринял «новость» о смерти Андрея Тургенева, когда «ее узнал», были возражением на обращенное к нему в письме Жуковского утверждение, будто он «видел его в последние минуты его жизни» (Там же). И. П. Тургенев, отец Андрея, в письме к Жуковскому от конца июля — начала августа 1803 г. с восхищением и благодарностью упомянул только о Петре Кайсарове, поскольку он не испугался заразной болезни сына (сыпной тиф) и был с ним до конца (Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 288). Тем не менее, трудно предположить, что слова Жуковского о близости Блудова к Тургеневу в период его предсмертной болезни не опирались на какие-то свидетельства друзей. Болезнь Тургенева была скоротечной, и оправдание Блудова можно связать с тем, что он видел его больным, но не ожидал, что развязка наступит так быстро. Блудов не написал Жуковскому о том, где он находился в последние два-три дня жизни Андрея Тургенева.

[5] Жуковский в письме от 7 нояб. 1803 г. с сожалением писал Блудову о том, что узнал о смерти друга от «чужих».

[6] «Поручение», о котором говорит Блудов, было дано ему в письме Жуковского от 7 нояб. 1803 г.: «...нужно узнать, куда делись бумаги и письма Андрея Т<ургенева>; у кого они остались; сделай одолжение, извести меня по этому поводу. Отправь мне <...> адрес Петра Кайсарова» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и пи-

сем. Т. 15. С. 19, подлинник по-фр.). Блудов в ответном письме говорит о Кайсаровых, живших в этом время вместе в Петербурге, имея в виду братьев *Петра* (1777—1854), чиновника Министерства внутренних дел, и *Михаила* (1780—1825), чиновника Коллегии иностранных дел (двух других братьев Кайсаровых, Андрея и Паисия, в Петербурге в это время не было). Желание видеть бумаги и письма Тургенева было связано с намерением Жуковского издать их, которое он выразил в двух письмах к И. П. Тургеневу; первое из них не сохранилось, во втором, написанном 11 авг. 1803 г., он писал: «Осмелюсь напомнить Вам <...> о моей просьбе переписать письма и другие интересные бумаги покойника. <...> Итак, Вы позволите мне быть издателем его писем, которые посвящу Вам; Вы позволите приобщить мне к ним краткую историю жизни его: пускай все знают, кто он был и что он был для тех, которые были с ним связаны тесными узами. Вот памятник его достойный!» (Там же. С. 16—17; в письме на с. 16 сделано ошибочное раскрытие «П. С.» как Паисия Сергеевича Кайсарова, хотя речь шла о Петре Кайсарове).

[7] Судьба архива Андрей Тургенева оказалась сложной (о лакунах в нем см.: *Зорин А. Л.* Появление героя. С. 484). Александр Тургенев спрашивал о нем у Жуковского 1 (13) февр. 1804 г. из Геттингена: «...уведомь меня, где бумаги братнины, мои письма, книги его, платье и всё, всё; у Батюшки ли всё это или еще в Петербурге? Сохраните все его остатки» (Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 272). 7 марта 1805 г. Ал. Тургенев сообщал А. С. Кайсарову из Москвы: «Из братниных бумаг я почти ничего не получил, только письма наши, и то не все. Желтой книги нет» (Там же. С. 335); под последней подразумевался, по-видимому, какой-то неизвестный дневник или тетрадь Тургенева с сочинениями, переводами и т. п. Впоследствии, в связи с редакторской работой в «Вестнике Европы», Жуковский не раз обращался к Ал. Тургеневу с просьбой о тех или иных бумагах брата, но никаких публикаций по ним так и не появилось (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 54, 61, 77, 625, 630, 644).

[8] Имеется в виду время службы Андрея Тургенева в Вене в русской дипломатической миссии (1802—1803). Возможно, эти бумаги так и не были возвращены в Россию.

[9] О последних дневниковых записях Тургенева в июне 1803 г. см.: *Зорин А. Л.* Появление героя. С. 478—479.

[10] Речь идет о каких-то проявлениях благотворительности Тургенева.

[11] После похорон Андрея Тургенева в Москву для встречи с его отцом ездил Петр Кайсаров, поэтому можно предположить, что Блудов мог знать от него о написанной Жуковским элегии «На смерть А<ндрея Тургенева>», датируемой 17—20 июля 1803 г. (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 59, 439—440). Жуковский отправил элегию с письмом к И. П. Тургеневу (*Истрин В. М.* Из архива <...> Смерть Андрея Ивановича Тургенева. С. 4), однако тот вернул ему стихи со словами «не пошлю их Карамзину», хотя и подчеркнул свое разрешение напечатать их «в утешение» себе (Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 288); это могло означать, что Карамзин отказался печатать стихи в «Вестнике Европы». Поэт ответил И. П. Тургеневу 11 авг. 1803 г., выразив косвенное согласие с мнением Карамзина: «А стихов моих не должно печатать: я горд именем его друга, но такими ли стихами я должен почтить кончину его? Они писаны для меня и для Вас. Публика смотрит на стихи, а не на чувства. Она не поймет меня» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 17; письмо к И. П. Тургеневу, которое можно датировать, как и посланную с ним элегию, 17—20 июля 1803 г., в этом томе издания пропущено, хотя учтено в примеч. к элегии: Там же. Т. 1. С. 440). То, что Блудов написал о смерти Андрея Тургенева, не могло удовлетворить Жуковского, поскольку он ожидал от него сообщения, включавшего в себя, в соответствии с культурно-

эпистолярной традицией, какие-то слова умирающего, упоминания о родных и друзьях, распоряжения, просьбы, а главное — о последней исповеди и причащении. Из сохранившихся описаний этим ожиданиям отчасти отвечало лишь письмо А. Ф. Мерзлякова к Ал. Тургеневу, написанное в конце 1803 г. и призывающее его «воскресить» брата Андрея «в самом себе» (автор письма знал о смерти Андрея Тургенева из рассказов его отца и друзей): «Сам он, отходя от нас, поручил тебе эту священную должность! Сам он запретил тебе предаваться излишней печали» (*Истрин В. М.* Из архива <...> Смерть Андрея Ивановича Тургенева С. 9). Среди писем о смерти Андрея Тургенева нет ни одного, где упоминалось бы последнее причащение; можно предположить, что его и не было (по-видимому, из-за какого-то опоздания); о нем не говорится и в письме митрополита Платона (Левшина), написанном 23 июля 1803 г. в утешение И. П. Тургеневу и упоминающем лишь об «истинной вере», «благой надежде» и воспитании «в благочестии, утвержденном благонравием» (Там же. С. 14). Отсутствие последнего церковного напутствия могло смутить Блудова, который и в молодые годы, вопреки модным веяниям, не скрывал своей религиозности (см. п. 28, примеч. 5).

[12] О сумасшествии С. Е. Родзянки Жуковский писал Блудову: «Ради Бога, не забудь мне сказать, что случилось с Родзянкой: мне ничего не известно о его судьбе. Где он? Как его дела? Он очень несчастлив! Дай Бог, что его состояние всего лишь какая-то кратковременная болезнь. <...> Он всегда был незаурядным человеком» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 19). Отвечая ему, Блудов упоминает о «бездеятельности» Родзянки, который не служил, и его отце Емельяне Семеновиче Родзянко, помещике Полтавской губернии. Архив Родзянки не сохранился. См.: *Лямина Е. Э.* Родзянко (Родзянка) Семен Емельянович // Русские писатели, 1800—1917. Т. 5. С. 312—313.

[13] Ср. в письме Жуковского: «Я по-прежнему в Белеве. Строю дом, засаживаю сад и ничего не делаю» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 19).

[14] Строки из гимна Ж. Делиля «Дифирамб бессмертию души» («Dithyrambe sur l'immortalité de l'âme», 1794). В 1806 г. Жуковский перевел «Отрывок из Делилева Дифирамба на бессмертие души» (опубл. 1807). О работе над ним поэта, в контексте других русских переводов стихотворения того времени, в том числе А. Ф. Лабзина 1804 г. (он использован в переводе (см. в сноске) письма Блудова), см.: Там же. Т. 1. С. 469—471. О «Дифирамбе» Делиля Андрей Тургенев писал Жуковскому 9 марта 1803 г. (Жуковский и русская культура. С. 422).

[15] *Бошняк Александр Карлович* (1786—1831) — воспитанник московского Университетского благородного пансиона, где учился с 1799 г. и где близко сошелся с Жуковским и его кругом; с 1804 г. чиновник московского архива Коллегии иностранных дел (см.: *Бочков В. Н.* Бошняк Александр Карлович // Русские писатели, 1800—1917. Т. 1. С. 323); Блудов пользовался его посредничеством в своей переписке, поскольку дом Бошняка находился рядом с домом его матери.

16

1 февраля 1804. Петербург

1 Février

Bien des grâces pour votre lettre: je l'ai trouvée bien courte; surtout vu le temps qu'elle s'est fait attendre. En revanche je l'ai relue bien des fois; pour moi-même et pour tous ceux qui vous connaissent, et je prenois

toutes sortes de pretextes pour la relire. Moquez-vous de cela, si vous voulez, mais c'est la vérité pure. C'est ainsi que je suis fait, je n'aime rien qu'avec transport; mes amis sont pour moi, ce qu'à peine seroit une maîtresse pour les autres. Mais que dis-je mes amis! Je serois bien embarassé d'expliquer ce pluriel. Enfin tranchons d'inutiles discours; j'ai bien mal à la tête, et je sens que ma lettre s'en sentira. Vous avez déjà lu des sottises, appretez-vous à en lire bien d'autres. Je reviens d'un opéra françois, j'y ai vu débuter une nouvelle actrice et jamais encore je ne me suis ennuyé si fort; pas même aux lectures de *Tchebyshoff*. Votre lettre m'a appris quelque chose sur vous: mais vous avez oublié une chose essentielle c'est de me donner votre adresse ; Où êtes-vous, à Moscou ou à Belieff. Que fait Mr. de Karamsine? Est-il vrai qu'il est historiographe de Russie? Est-il vrai qu'il est remarié? J'attends avec impatience le dernier numéro de son journal, surtout depuis votre lettre. Je m'attends à quelque chose de bon, et je suis sûr que la *nouvelle de Vadim* fera oublier la tragédie. Mais pourquoi avez-vous abandonné votre poème: *Марьина роща*. Le nom devroit vous intéresser davantage: j'en promettois beaucoup de plaisir; j'en promettois à tout le monde et vous trompez ainsi les gens. Mais pardon, mon cher ami, mon mal de tête devient affreux; je ne puis plus vous rien dire, si ce n'est de vous prier de m'écrire au plus vite. Ecrivons-nous sans règle et plus souvent qu'une fois de mois. C'est trop rare. N'abusez pas surtout (vous qui avez pris le trente) de privilège que vous donne ce mois composé de 29 jours. Adieu, mon cher, jeudi je vous écris une lettre plus longue si je puis. Répondez-moi. Adieu.

Je m'adresse encore à Бошняк pour vous remettre ma lettre. Excusez-moi devant lui et faites lui mes compliments.

Перевод:

1 февраля[1]

Очень признателен за твое письмо: я его нашел слишком коротким; особенно принимая во внимание, сколько времени его пришлось ждать.[2] В воздаяние того я его перечел много раз; как для себя, так и для всех тех, кто тебя знает, и придумывал разные предлоги, чтобы его снова перечитывать. Можешь смеяться, если хочешь, но это чистая правда. Таков уж я, я ко всему отношусь с чувством; едва ли кто так ценит свою возлюбленную, как я — моих друзей. Но что это я говорю «моих друзей»! Мне было бы затруднительно объяснить это множественное число. Словом, прекратим бесполезные разговоры; у меня очень болит голова, и чувствую, это заметно по моему письму. Ты уже начитался глупостей, приготовься прочитать еще много других. Только что вернулся из французской оперы, видел дебют новой актрисы и никогда так сильно не скучал, даже на лекциях *Чебышева*.[3] Из твоего письма я кое-что о тебе узнал, но ты забыл главное — дать мне свой адрес. Ты где, в Москве или в Белеве?[4] Что поделывает г. Ка-

рамзин? Правда ли, что он пишет историю России?[5] Правда ли, что он снова женился?[6] С нетерпением жду последний номер его журнала, особенно после твоего письма. Ожидаю чего-нибудь хорошего, я уверен, что *повесть о Вадиме* заставит забыть трагедию.[7] Но почему ты забросил свою поэму *Марьина роща*?[8] Название должно бы особенно тебя завлекать: я ждал тут много удовольствия и другим обещал, а ты обманываешь людей. Однако извини, дорогой друг, моя головная боль делается ужасной; не могу ничего больше тебе написать, только лишь просить тебя отвечать мне скорее. Давай писать друг другу, не следуя правилам, и чаще, чем раз в месяц. Это слишком редко. А главное, не злоупотребляй (тебе достался месяц из тридцати дней) преимуществом, которое тебе представляет месяц, состоящий из 29 дней.[9] Прощай, мой дорогой, в четверг напишу письмо подлиннее, если смогу. Отвечай мне. Прощай.

Я снова адресуюсь к Бошняку, чтобы передать мое письмо. Извинись за меня перед ним и кланяйся ему.

---

[1] Год написания письма определяется по сообщениям, во-первых, о женитьбе Карамзина, а во-вторых, о том, что он был високосный.

[2] Имеется в виду письмо Жуковского к Блудову от 21 янв. 1804 г. (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 20—22).

[3] Лицо неустановленное. Какого-то Чебышева Жуковский упомянул в плане своих автобиографических записок, относящихся к московскому периоду его жизни (начало 1800-х гг.) (см: Там же. Т. 13. С. 33).

[4] Ср. в письме Жуковского: «...я строюсь и даже начал строить дом в Белеве...» (Там же. Т. 15. С. 21, подлинник по-фр.).

[5] Императорским указом Карамзин был пожалован в историографы 31 окт. 1803 г.

[6] 8 янв. 1804 г. Карамзин женился на Екатерине Андреевне Колывановой, побочной дочери князя А. И. Вяземского (первая его жена умерла в 1802 г.). Тон вопрошения об этой свадьбе в письме Блудова намекает на пародийное «Описание бракосочетания господина К<арамзина>» А. С. Кайсарова, созданное в пору Дружеского литературного общества: это была «вольная юмористическая персифляция церковного обряда бракосочетания, написанная литературным тоном нежно-чувствительного настроения, в котором, однако, чувствуется ирония, дерзновенное осмеяние сентиментального карамзинского стиля» (*Резанов В. И.* Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. Вып. 1. С. 150).

[7] Речь идет о письме Жуковского от 21 янв. 1804 г., в котором он сообщал Блудову о публикации в «Вестнике Европы» (1803. Ч. 12. № 23—24) своей повести «Вадим Новгородский». В августе 1804 г. Жуковский сообщил Блудову: «А “Вадима” я бросил; мне все говорят, что он есть подражание “Марфы Посадницы”. Не хочу выходить на сцену подражателем, даже толковым» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 24).

[8] Повесть «Марьина роща» была напечатана Жуковском в 1809 г. Первое упоминание о ней с цитацией двух стихов, не оставивших, однако, следа в окончательном тексте, обнаруживается в письме Жуковского к И. П. Тургеневу от 11 авг. 1803 г. (Там же. С. 17). Письмо Блудова дает ценные дополнительные сведения по истории повести: во-первых, к 1804 г. она была не просто написана в какой-то

своей части, но уже и оставлена автором, который ее «забросил», а во-вторых, «Марьина роща» на этом этапе была, по-видимому, стихотворной, о чем можно заключить по именованию ее в письме поэмой (ср.: Там же. Т. 10 (2). С. 597—598).

[9] Ср. в письме Жуковского от 21 янв. 1804 г.: «...будем писать друг другу раз в месяц <...>. На себя я беру 30 число каждого месяца, а ты бери 15...» (Там же. Т. 15. С. 22, подлинник по-фр.).

17

<Около 20 октября 1804. Москва>

Нет, любезный друг, боюсь быть нескромным и лучше хочу лишить себя приятного знакомства, нежели кому-нибудь доставить знакомство скучное.[1] Если б Карамзин жил один так, как Дмитриев, тогда бы в самом деле моя привязанность к его сочинениям дала мне право к нему приехать, но *Ка<терина> Ан<дреевна>* и *князь* не должны страдать за чужую славу.[2] Если, однако ж, ты сегодня без всякой аффектации найдешь случай выпросить у нее позволения для меня, то чувствительно одолжишь своего друга. Поедем завтра к Дмитриеву. А сегодня ввечеру я постараюсь быть у тебя.

---

[1] В письме говорится о представлении Блудова Карамзину через посредничество Жуковского. Об этом же идет речь и в записке к Жуковскому от конца октября (не позднее 26-го) 1804 г. Карамзина, определившего дни для этого посещения (РО ИРЛИ, № 28033, л. 6; Русский архив. 1870. Кн. 2, вып. 8/9. Стб. 1682). «Дмитрий Николаевич любил вспоминать об этом первом знакомстве, прибавляя, что ни прежде, ни после того ни одна личность не произвела на него такого глубокого впечатления <...> Он воротился домой очарованный беседою ученого историографа столько же, как и его простым открытым обхождением, и некоторое время находился в каком-то лихорадочном состоянии. С тех пор Дмитрий Николаевич искал уже встречи с Карамзиным; он бывал у него всякий раз, как приезжал в Москву...» (*Ковалевский Е. П.* Граф Д. Н. Блудов и его время. С. 40). Описывая их первую встречу, Ковалевский назвал 1805 г., что нельзя не признать ошибкой, поскольку в этом году не было момента, когда Блудов и Жуковский одновременно жили в Москве. Существует и другое мемуарное свидетельство, исходящее от *К. С. Сербиновича* (1796—1874), близко знавшего Блудова, который относил его знакомство с Карамзиным к 1804 г. (см.: *Беспалова Е. К.* «Прямой наследник Н. М. Карамзина» Дмитрий Николаевич Блудов // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ульяновск, 2019. С. 43—45). Поздней осенью 1804 г. Блудов приезжал в Москву, чтобы проведать заболевшую мать, и в это время активно общался с Жуковским. См. п. 18, примеч. 1.

[2] В письме Блудова упоминаются следующие лица: не обремененный семьей поэт *Иван Иванович Дмитриев* (1760—1837), жена Николая Михайловича *Екатерина Андреевна Карамзина* (1780—1851) и ее отец (она была его побочной дочерью) *князь Андрей Иванович Вяземский* (1754—1807), который в это время был уже вдовцом (в противном случае церемонный Блудов помянул бы еще и княгиню).

18

Конец ноября 1804. Москва

Вот тебе моя брючина: скажи, на что она тебе; скажи, в котором часу мы должны ехать к Карамзину.[1] Я остаюсь в Москве, до 5 или 6-го числа, постарайся окончить дифирамб к этому времени.

[1] Записка продолжает тему знакомства Блудова с Карамзиным — см. п. 17, примеч. Она датируется по сообщениям, которые подтверждаются в следующем письме Блудова к Жуковскому, написанном из Петербурга: во-первых, это указание в записке на свой отъезд из Москвы «5 или 6-го числа» декабря (ср. в письме 19, от 12 янв. 1805 г.: «...после моего отъезда; знаешь ли ты, что прошло больше месяца...»); во-вторых, прозвучавшая в записке просьба окончить стихотворение, которое Блудов называет «дифирамбом» и которое, как следует из письма 19, поэт так и не закончил к его отъезду (см. примеч. 6).

19

12 января 1805. Петербург

Le 12 Janvier

Oh! Mon cher, mon bon ami: j'avois tant de choses à vous dire, mais j'ai déjà écrit tant de lettres, et il m'en reste encore tant d'autres, que vraiment je ne vous dirai rien, ou à peu près.

Je te dirai donc d'abord, que tu es un homme dénaturé! Comment ne pas m'écrire depuis mon départ; sais tu bien qu'il y a plus d'un mois. Je ne t'ai pas écrit non plus: mais quelle différence! La fatigue du voyage, le service, la société, les théâtres, l'amour et surtout les lettres, dont j'ai toujours une quantité incroyable à expédier: tout cela peut bien empêcher d'écrire, surtout à quelqu'un qui de son côté garde le silence. Mais toi! qui grâce au ciel, n'es pas au service et grâce au ciel n'es pas amoureux, tu n'as pas de raisons à me donner de ce silence détestable. Vraiment je ne connois que ta mort qui puisse t'excuser. Il faut bien en ce cas que je te désire sans excuses. Oui, mon ami, sois impardonnable tant que tu voudras, je te le pardonnerai toujours, pourvu que tu ne cesse pas de m'aimer, et j'ose l'espérer. A ça! Je babille déjà trop. Je ne veux pas parler aujourd'hui pour moi, mais seulement pour mon cousin Ozeroff. Il a voulu vous écrire, mais il ne l'a pu étant parti subitement pour la campagne. Vous avez reçu le manuscrit corrigé de sa tragédie, qui fait ici beaucoup de bruit, et qui selon moi le mérite à beaucoup d'égards. Portez-le, ce manuscrit à Volconsqui: dites que l'auteur consent à prendre la seconde présentation pour bénéfice, qu'il s'en remet entièrement au Prince lui-même pour la recette et qu'il le prie de donner la somme qu'elle fera à ma mère. Tu vois, mon ami, que tu auras bien moins d'embarras que tu n'as cru. Fais moi savoir tout ce que le Prince te dira;

quand la pièce pourra être jouée, quels acteurs la joueront; tous ces détails feront grand plaisir à l'auteur et à moi aussi par conséquent. Adieu! Mon ami, écris-moi, parle-moi de ton dithyrambe, sais tu bien qu'en le relisant ici je l'ai trouvé encore plus charmant; que même le commencement de la tirade que j'ai critiquée est fort bien, jusqu'à ces vers:

Во мраке сих лесов убежище Сильвана.

Adieu, encore une fois, mon cher frère, et mon cher confrère, travaille bien, attrape la gloire, mais ne quitte pas ton ami, aime le, comme il t'aime. Tu m'aimeras beaucoup.

Prend garde à mon cachet, il t'apprendra que mes sentiments ne changent pas.

Перевод:

12 января[1]

О, мой дорогой, добрый друг! Мне столько всего надо было тебе сказать, но я написал уже столько писем, и еще столько должен написать, что, по правде говоря, ничего тебе и не скажу, или почти ничего.

Во-первых, скажу тебе, что ты жестокосердый человек! Как не написать мне после моего отъезда; знаешь ли ты, что прошло больше месяца.[2] Я тебе тоже не написал: но это совсем другое дело! Усталость после путешествия, служба, общество, театры, любовь и, главное, письма, которые мне постоянно нужно отправлять в немыслимых количествах. Все это мешает мне писать, особенно тому, кто со своей стороны хранит молчание. Но ты! Ты, который, благодарение небу, не служишь и, благодарение небу, не влюблен, ты не можешь назвать мне причины твоего гнусного молчания. Право, только, если б ты умер, это было бы извинением. В таком случае я жду твоего ответа без извинений. Да, мой друг, оставайся непрощенным, сколько захочешь, но я тебя всегда извиню, лишь бы ты не перестал меня любить, на что я осмеливаюсь надеяться. Так, я слишком разболтался! Не хочу сегодня говорить о себе, а только о моем кузене Озерове. Он хотел тебе написать, но не смог, потому что внезапно уехал в деревню. Ты получил исправленную рукопись его трагедии, о которой здесь много говорят, и которая, на мой взгляд, этого заслуживает во многих отношениях. Отнеси эту рукопись Волконскому:[3] скажи, что автор согласен взять второе представление для бенефиса, что он полностью полагается на самого князя в том, что касается сборов, и просит его отдать сумму, которая получится, моей матери.[4] Видишь, мой друг, у тебя будет не так много забот, как ты думал. Сообщи мне, что тебе скажет князь; когда пьеса может быть сыграна,[5] какие актеры будут в ней играть; все эти подробности доставят большое удовольствие автору и, следовательно, мне. Прощай! Друг мой, пиши мне, расскажи мне о твоем Дифирамбе, знаешь, перечитывая его здесь, я нашел его еще

более прелестным, и даже начало тирады, которое я критиковал, очень хорошо, до этих стихов:

Во мраке сих лесов убежище Сильвана.[6]

Прощай еще раз, мой дорогой брат и мой дорогой собрат, трудись, завоюй славу, но не бросай своего друга, люби его, как он тебя любит. Ты станешь много меня любить.

Обрати внимание на мою печатку, она подтвердит, что мои чувства неизменны.

---

[1] Год определяется по ответному письму Жуковского к Блудову, в котором он дал отчет о данном им поручении в связи с рукописью В. А. Озерова (см. ниже). Письмо с отчетом Жуковского отнесено к маю-июню 1805 г. в изд.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 25—26, 608—609; судя по письму Блудова от 12 янв. 1805 г., датировку письма Жуковского можно ограничить маем 1805 г.

[2] Имеется в виду отъезд Блудова из Москвы 5—6 дек. 1804 г. (см. п. 18 и примеч.).

[3] Речь идет о трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах», вышедшей отдельным изданием в Петербурге в 1805 г. Однако к Жуковскому для передачи директору театра при Воспитательном доме кн. М. П. Волконскому была отправлена не книга (так в примеч. к письму: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 608), а исправленная рукопись трагедии для ее постановки в Москве. Жуковский не смог выполнить поручение Блудова, о чем написал ему в мае 1805 г.: «Теперь скажу тебе несколько слов об “Эдипе” Озерова <...> Ты прислал его ко мне в Москву, когда я был в деревне. Тургенев, не Александр, но Николай, тотчас отправил его ко мне в Белев, но его не приняли на почте <...> Николай Тургенев оставил его на почте у одного своего знакомого, который дал ему слово прислать его ко мне. Между тем я приезжаю <в Москву>; спрашиваю об “Эдипе”, сказывают, что он на почте <...> Этого человека, у которого он остался, нет; я через два дня после моего приезда в Москву уезжаю в Петербург, давши комиссию Николаю Тургеневу взять “Эдипа” у своего знакомого и отдать его Волхонскому <...> в уверении, что пиеса, конечно, отдана Волхонскому, я сказал В<ладиславу> А<лександровичу>, что ее отдал; но приезжаю в Москву и узнаю, что пиеса не взята, что этот человек, которому ее отдали, в Рязани, что он приедет скоро <...> Между тем Тургеневы уехали в Липецк; следовательно, “Эдип” не прежде возвратится как по их возвращении. Скажи это всё Вл<адиславу> Алекс<андровичу> и скажи ему, ради Бога, что я ни в чем не виноват <...> Представление, однако ж, отложено до зимы» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 25—26). Об Озерове см. п. 7, примеч. 6; п. 10, примеч. 4.

[4] *Блудова Антонина Воиновна* (1754—1807), урожд. Тишина (см.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений. С. 89). Е. П. Ковалевский называл мать Блудова Екатериной Ермолаевной (*Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время. С. 9).

[5] Московская премьера состоялась в Петровском театре 27 сент. 1805 г. (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 608).

[6] Приведенный Блудовым стих «Во мраке сих лесов убежище Сильвана» отсутствует в известных ныне текстах Жуковского, в том числе среди вариантов и редакций. Блудов относит его к «Дифирамбу», что можно было бы связать с «Отрывком из Делилева Дифирамба на бессмертие души» Жуковского, опубликован-

ным в 1807 г. (см. п. 15, примеч. 11). Однако и в «Дифирамбе на бессмертие души» Делиля, т. е. в оригинале, откуда Жуковский взял отрывок для перевода, опорного стиха о Сильване и «мраке сих лесов» не имеется. Можно предположить, что «Дифирамбом» Блудов называет программное стихотворение Жуковского «К поэзии», начинавшееся с обращения: «Чудесный дар богов!». Работа над ним была завершена в декабре 1804 г., и Блудов, действительно, уехал из Москвы, не дождавшись его окончания. Ср.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 444, где стихотворение датировано декабрем 1804 г. по первой публикации и помете в одной из копий; письмо Блудова от 12 янв. 1805 г. позволяет заключить, что стихотворение было начато в ноябре 1804 г. (о том же свидетельствует и записка Блудова от конца ноября 1804 г. — см. п. 18, примеч. 1). Критическое замечание Блудова было учтено Жуковским, и в стихах дифирамба «К поэзии» с упоминанием леса и «мирного луга», о которых поет «лапландец, дикий сын снегов», фигурировал уже не Сильван с его «убежищем», а «возы, скрыпящи под снопами» (Там же. С. 62).

20

29 мая 1807. Село Никольское Оренбургской губ.

Из села Никольского, <1 нрзб.> 29 мая.[1]

Посылаю к тебе, любезнейший друг мой, деньги, об которых мы условились. Может быть, ты получишь их немного позднее 1-го июня, но думаю, что это не сделает какой-то расстройки твоему немцу-дудланину.[2] Я теперь живу в оренбургской деревне своей и, как можешь сам вообразить себе, живу в превеликой муке и тоске: сделай милость, если ты что-нибудь знаешь, то сообщи мне известие. Дай Боже! чтоб было хорошее.[3] Прости, добрый и почтенный друг, не забывай о шалуне, своем друге: я пробуду здесь не более недели, потом буду в Оренбурге. Отвечай мне, дай знать, где я тебя увижу, в Белеве или в Москве,[4] и адресуй письмо свое в Казань, в дом губернского предводителя Молостова.[5] Adieu.* В половине июня надеюсь обнять тебя, или <1 нрзб.>.

[1] Письмо относится ко времени отпуска Блудова, который он был вынужден взять для устройства дел в имениях после смерти своей матери, скончавшейся 1 янв. 1807 г. (об этом отпуске известно из его послужного списка: *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX в.: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М.: Индрик, 2006. С. 233). О замысле этой поездки Жуковский писал Тургеневу: «Я поехал было с Блудовым в Оренбург, хотел видеть некоторую часть православной Руси, но в двадцати верстах от Москвы наша коляска была опрокинута; я ушиб руку; Блудов здоров и теперь странствует один» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 55); в поездку Блудов и Жуковский отправились, по-видимому, в первых числах мая 1807 г. Письмо от 29 мая 1807 г. из оренбургской деревни не было первым письмом Блудова к Жуковскому из этой поездки. Ранее Блудов написал ему письмо с «реляцией о <...> путешествии», о чем известно по ответному письму Жуковского, откликнувшегося на со-

* Прощай (*фр.*).

общения в нем о том, что он где-то тонул, скучал и, наконец, намеревался освятить в какой-то из своих деревень новую церковь (Там же. С. 53). Из этого можно сделать вывод, что письмо Жуковского с откликом на «реляцию» Блудова следует датировать предположительно концом мая 1807 г., и оно еще не было получено Блудовым в «оренбургской деревне», когда он написал ему оттуда второе письмо 29 мая 1807 г. (ср. в издании Жуковского, где письмо о «реляции» Блудова отнесено к концу июня 1807 г.: Там же. С. 624).

[2] О каком «немце-дудланине» (возможно, от англ. doodle, т. е. болван) идет речь, неизвестно. Это, по-видимому, был протеже Жуковского, который сумел увлечь Блудова идеей помощи ему. В конце мая 1807 г. Жуковский писал Блудову в ответ на «реляцию», содержавшую и какую-то его просьбу относительно помощи этому немцу: «Твое поручение беру на себя с радостью — готов быть твоим поверенным по части *благих* дел <...> Назначь сумму и пришли ее ко мне: я буду искать и действовать, а вам отдавать во всем подробнейший отчет. Немцу нашел квартиру, и он уже ее занимает...» (Там же. С. 53). То, что письмо Жуковского от конца мая и письмо Блудова от 29 мая 1807 г. не согласовываются в словах, касающихся «немца-дудланина», свидетельствует, что Блудов выслал деньги для него из оренбургской деревни еще до получения письма Жуковского с просьбой о назначении нужной суммы. О продолжении осуществления Жуковским благотворительной помощи на средства Блудова, по его поручениям, свидетельствует письмо из Лондона от 19 (31) марта 1819 г.: Русский архив. 1902. Кн. 2, вып. 6. С. 341—342.

[3] Возможно, речь идет о княжне А. А. Щербатовой и претендентах на ее руку, которые время от времени появлялись рядом с ней и к которым благоволила ее мать.

[4] В письме от конца мая 1807 г., написанном из Москвы, Жуковский известил Блудова, что уезжает в деревню, т. е. в Белев (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 53).

[5] У Блудова были имения (более 800 душ) в Спасском и Чистопольском уездах Казанской губернии (см.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений. С. 90). В письме упоминается *Порфирий Львович Молоствов* (1760—1808), в 1807—1808 гг. казанский губернский предводитель.

21

22 сентября 1807 <?>. Москва

Из Москвы
22 сентября.[1]

Я не получал от тебя ответу на мое письмо, однако ж, любезный друг, не думай, чтоб я хотел тебя пенять за это. Не имею права и не хочу. Будучи уверен, что ты меня любишь, ибо моя дружба к тебе мне в том порукой, зная от Ивана Ивановича Дмитриева, что ты здоров,[2] могу быть спокоен и только жалею о том, что не знаю, как ты проводишь время и в каком состоянии твое сердце и голова. Чтоб узнать обо всем этом, я желал бы получать от тебя несколько строчек; но я вздумал способ, который еще лучше, который, может быть, обстоятельства мне позволят употребить; но надобно и твое согласие на это. Хочу приехать к тебе — на несколько часов, к несчастью, не более. Но

могу ли надеяться, что ты дашь себя похитить и привезти по крайней мере в Москву.[3] Все желают этого искренно; а я больше всех. Право, любезный друг, я не привык жить так долго без тебя и не хочу привыкать. Если глупые дела, о которых ты пишешь к Дмитриеву, только денежные, то не беспокойся; а если другое мешает тебе оставить Белев, то скажи, могу ли по крайней мере я приехать увидеться с тобою. Отвечай поскорее и адресуй в Москву, в наш дом. Если я приеду к тебе, то не позже, как в октябре.

---

[1] Год определяется предположительно по времени продолжительного отпуска Блудова в 1807 г., данного ему в связи с устройством дел после смерти матери (см. п. 20, примеч. 1).

[2] Речь идет о неизвестном письме Жуковского к И. И. Дмитриеву.

[3] Поездка Блудова в Белев с целью «похитить» Жуковского и привезти его в Москву не состоялась, поскольку он, по-видимому, получил от него какое-то уведомление о планируемом им приезде туда. Это произошло в конце октября 1807 г., когда Блудов уже уехал в Петербург (см. п. 22, где Блудов выразил удивление в связи с неожиданным появлением Жуковского в Москве, и примеч. 1).

22

29 октября 1807. Петербург

St. Petersbourg
Le 29 Octobre[1]

Я узнал от своего [человека] живописца,[2] что ты приехал в Москву.[3] Благодарен, я очень благодарен ему. Вероятно, что без него никогда не знал, где существует мой друг Жуковский; и разве одна из многочисленных труб славы возвестила бы мне о том, что он существует. Оставим шутки. Не стыдно ли тебе, любезный друг, быть ленивее меня. Не стыдно ли оставлять мои письма без ответа и даже не сказать, что ты получил деньги, которые я послал к тебе для *жида*:[4] разве ты не знаешь, каково писать к безответным. Кстати, об жиде, он приходил жаловаться ко мне на твою неисправность: говорит, что умирает с голоду. Будучи в Москве, я дал Гасу 30 рублей в ожидании денег от тебя. Не забудь же зачесть этих денег за будущий год.

Что сказать тебе нового? Случилось многое с тех пор, как мы расстались; но ты знаешь обо всем, а повторять приятно только радостные вести. Может быть, ты не знаешь об явлении новой кометы,[5] но желал ли ты и знать об этом. У вас поныне есть хороший астроном, и тебе покажут комету так же хорошо, как нам ее показывал Шуберт.[6] Но скажу тебе, что такой примечательной не было с 1769 году, с которой родился Наполеон Первый.[7] Изъясняя это, пожалуй, не сочти меня отгадчиком или суевером: я тебе повторяю то, что Шуберт сказал сей год Тургеневу и мне. Что у вас нового в литературе? Знаешь ли ты

Пожарского, который сделался знаменем шишковианцев?[8] Будешь ли ты издавать Вестника и с каким планом,[9] и *Господь благословит ли венец лета славы твоей*?[10] Где ты живешь? В. А. Озеров давно желает писать к тебе, благодарить за твое письмо и прислать тебе по экземпляру своих трагедий.[11] Пришли мне свой адрес, хотя для него, если не для моих писем. Если ты собираешься быть издателем Вестника, то не хочешь ли отрывков из путешествия Тургенева; а заставь его прислать к тебе кое-что, разумеется, пропусти наперед сквозь чистилище.[12] Прости; что делает твоя Муза и делает ли что-нибудь?

Присылай, что сделал; я уверен, что твои поэтические новости будут лучше политических.[13]

<Приписка А. И. Тургенева:>

И я на всё то ожидаю твоего ответа, о чем тебя спрашивает Блудов, с той разницею, что сбираюсь давно бранить тебе за твои упреки в письмах к единственным С<оковниным>.[14] Я по крайней мере на твое письмо ко мне отвечаю им в надежде, что они сообщат тебе всё, что до тебя касается. Но ты, любезный ленивец, ты ни слова ни к Блудову, ни ко мне. Если мы к тебе редко пишем, то по крайне мере часто пишем твои стихи (и сейчас Бл<удов> списывает для Хвостовой твой «Вечер»,[15] а я везу ей твою «Дубраву»[16]), мы о тебе говорим часто; а тебе ни говорить о нас не с кем, ни стихов наших писать нельзя: первое, потому что их нет; второе — но и первого довольно.

Итак, что же для друга остается — писать к тем, которые его любят. Прости и, если вспомнишь меня, бывая часто на Пречистенке,[17] то уверь, что я не честолюбец; уверь, что мною управляют другие страсти, что дружба их, что дружба твоя — о милый друг людей и еще немногих, для меня драгоценнее креста володимерского, который теперь вешают на тех, которых за 1806 лет на крест вешали.[18] Прости и пиши к нам.

Тургенев.

---

[1] Год письма от 29 октября определяется по ответу Жуковского Тургеневу и Блудову из Москвы от конца ноября 1807 г. В нем Жуковский обратился к Блудову с просьбой, касающейся его долга ему (об этом долге идет речь в первом абзаце письма Блудова, кончающейся словами: «Не забудь же зачесть этих денег за будущий год»): «Еще не забудь, — ответил ему Жуковский, — прислать мне записку о том, сколько и в которое число и сколько лет уплачивать мне тебе свой долг. Ты забыл это сделать, а мне нужно непременно знать заранее, чтобы приготовить нужное число денег вовремя и быть исправным» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 57). Тургеневу Жуковский написал и отдельно в ответ на его приписку в письме от 29 окт. 1807 г., в которой он, названный «ленивцем», получил от него выговор за письма к Соковниным («...сбираюсь давно бранить тебе за твои упреки в письмах к единственным С<оковниным>»): «...будучи ленив неподражаемым образом, — написал ему на это Жуковский, — ты еще меня хочешь наказывать за леность <...> ты не доставил мне своего адреса, и я принужден <...> посылать

через Соковниных» (Там же. С. 42; это письмо в издании датировано ноябрем 1806 г., хотя в действительности оно было написано в конце ноября 1807 г.).

[2] Судя по зачеркнутому слову («мой [человек]»), этот «живописец» был дворовым человеком Блудова.

[3] Письмо Блудова из Петербурга от 29 окт. 1807 г. позволяет заключить, что Жуковский приехал в Москву, по-видимому, в начале последней декады октября 1807 г.

[4] Речь идет о ростовщике по фамилии *Гас*. Возможно, он был держателем заемного письма Жуковского, выданного ему Блудовым. См. примеч. 1.

[5] Имеется в виду большая комета, появившаяся в Северном полушарии в начале осени 1807 г. и видимая невооруженным глазом.

[6] Речь идет о *Федоре Ивановиче Шуберте* (1758—1825), заведовавшем академической обсерваторией в Петербурге. Здесь же Блудов упоминает «хорошего астронома» — *Фридриха Гольдбаха* (1763—1811), с 1804 г. ординарного профессора имп. Московского университета, устроившего в одной из комнат своей квартиры собственную временную обсерваторию.

[7] Год 1769, когда родился Наполеон, был ознаменован появлением большой кометы.

[8] Речь идет об одном из героев поэмы *князя С. А. Ширинского-Шихматова* (1783—1837) «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» (1807). Поэма, повествующая о народном ополчении 1612 г., встретила, с одной стороны, восторженные отзывы рецензентов консервативного литературного лагеря, в том числе А. С. Шишкова, наиболее яркого его представителя и будущего главы Беседы любителей русского слова, а с другой — ряд язвительных эпиграмм близких Карамзину литераторов. Отзыв Блудова, прозвучавший в этом ряду одним из первых, отражает взгляд на поэму карамзинистов.

[9] Имеется в виду «Вестник Европы», который Жуковский начал редактировать в 1808 г. На вопрос Блудова о журнале и его будущем Жуковский ответил в письме к друзьям, Тургеневу и Блудову, от конца ноября 1807 г., призывая их к присылке материалов для публикации в нем (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 56—57).

[10] Видоизмененная цитата из тропаря на церковное новолетие (1 сентября), восходящая к стиху 12 псалма 64.

[11] Письмо Жуковского к В. А. Озерову 1807 г., упоминаемое Блудовым, неизвестно. В 1807 г. вышли отдельными изданиями его трагедии «Фингал» и «Димитрий Донской», несколько ранее, в 1805 г., «Эдип в Афинах». «По экземпляру» этих книжек и намеревался поднести Озеров Жуковскому (ни одной из них, однако, в его библиотеке не сохранилось). В письме к Тургеневу от 15 сент. 1809 г. Жуковский с восхищением отозвался о трагедии «Фингал», настаивая, что «Озеров с великим талантом и чувством» (Там же. С. 77).

[12] Отрывок из журнала заграничного путешествия Тургенева под заглавием «Путешествие русского на Брокен в 1803 году» и с подписью «А. Т...в» был напечатан Жуковским в «Вестнике Европы» (1808. Ч. 42, № 22. С. 77—93). См.: *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.) / изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М., Л.: Наука, 1964. С. 447; *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 617.

[13] «Политической новостью» в это время оставался Тильзитский мир, который был заключен Наполеоном и Александром I 25 июня 1807 г. и который тяжело переживался русским обществом. Отзвук тех настроений передан в стихотворении Пушкина «Наполеон» (1821): «Тильзит!.. (при звуке сем обидном / Теперь не побледнеет росс)» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 2, кн. 1. С. 215).

[14] См. примеч. 1. Тургенев имеет в виду сестер Варвару и Екатерину Соковниных.

[15] Возможно, Тургенев ошибся в названии стихотворения, которое переписывал Блудов, поскольку опубликованная в феврале 1807 г. элегия «Вечер» (1806) едва ли могла быть новостью для петербургской дамы (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 465). Хвостова — лицо неустановленное.

[16] «Дубравой» Тургенев называет романс «Тоска по милом» Жуковского, начинающийся стихом «Дубрава шумит...». По-видимому, тот текст, с которого Тургенев копировал стихотворение, не имел заглавия, как и черновой автограф Жуковского, и первая публикация его 1808 г. (Там же. С. 514).

[17] На Пречистенке в Москве жили Соковнины.

[18] Тургенев возмущен пожалованием какому-то лицу ордена святого Владимира.

23

Февраль 1808 г. Петербург

<Адрес:> Его Благородию Милостивому Государю моему Василью Андреевичу Жуковскому.

Пишу к тебе одно слово,[1] мой добрый, любезный Жуковский, потому что спешу отправлять <слово густо зачеркнуто чернилами>,[2] а это письмо должно с ним ехать, к тебе. Сделай милость, постарайся избавить этого глупца, не скажу от его глупости, ибо это невозможно, но по крайней мере от бедственных ее следствий. Запиши его опять в университет, или в какое-нибудь другое место и сделай с ним расчет об назначенном пансионе; не забудь меня хотя строчкой обо всем уведомить.[3]

Не сердись, любезный друг, за то, что пишу к тебе редко. Не думай, чтобы я забывал о тебе. Поверь, что помню и о твоих поручениях. Ты, надеюсь, уж получил Джонсона и Расина.[4] Я к тебе писал, что книги для Дмитриева нельзя сыскать в Петербурге, но Тургенев потерял мое письмо. Итак, повторяю, что ни одной из нужных книг Ив<ану> Ив<ановичу> нет у здешних книгопродавцев. Только у Клостерманна я нашел: Œuvres complettes de Cochin, avocat au Parlement.* И не смел их взять, потому что Дмитриеву надобны Œuvres choisies.**[5]

Прости: изъяви мое усердное почтение Дмитриеву, Карамзину и Антонскому. Продолжай своего Вестника: я читаю его с удовольствием. Кажется, могу надеяться, что оно будет возрастать час от часу; и публика может так же думать. Прости еще раз: обнимаю тебя от всей души. Нужно ли уверять, что люблю тебя также.

Я, может быть, скоро буду в Москве: если позволят мои здешние дела, а московские требуют моего приезда.[6]

---

* Полное собрание сочинений адвоката Парламента Кошена (*фр.*).

** Избранные сочинения (*фр.*).

[1] Письмо датируется по письмам к Блудову Жуковского с просьбами о присылке ему из Петербурга книг Джонсона и Кошена (см. примеч. 4—5). Письмо Блудова относится ко времени начала редактирования Жуковским «Вестника Европы» в 1808 г., когда Блудов уже познакомился, по крайней мере, с двумя январскими номерами журнала (ср.: «Продолжай своего Вестника: я читаю его с удовольствием»), что позволяет датировать письмо февралем 1808 г.

[2] Слово, залитое чернилами, не поддается прочтению, однако здесь, несомненно, фигурирует некий *Томашевский*, о котором известно из переписки Жуковского 1807—1808 гг. лишь то, что он был иностранцем и пансионером гимназии при Московском университете или же студентом в нем (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 624). По-видимому, это был сын «учителя новых языков», как его характеризует И. П. Тургенев, «немца» Томашевского (Томашевича), который учил младших Тургеневых в 1802—1803 гг. (см.: Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 468, 476).

[3] Во второй половине февраля 1807 г. Жуковский переслал обращенное к нему письмо Томашевского А. Тургеневу. О нем Жуковский написал Тургеневу: «Этот бедняк жалок: попался в комнату каких-то шалунов, которые не дают ему покою, дразнят его и даже бьют. <...> Томашевский очень странен; он не может говорить по-русски и приписывает ненависти к иностранцам те насмешки, которыми потчуют его за странность. <...> Томашевский, кажется мне, второй том Родзянки» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 52); упоминание С. Е. Родзянки в письме — намек на умственное расстройство Томашевского. Жуковский предлагал Тургеневу обратиться к инспекторам Московского университета или же к его попечителю М. Н. Муравьеву, чтобы Томашевского переселили «в другую горницу», причем предлагал намекнуть, что этим студентом интересуется сам попечитель: «...впрочем, — добавлял Жуковский, — против странности не скоро найдешь лекарство» (Там же). В конце декабря 1807 — начале января 1808 г. его имя вновь всплывает в письме Жуковского к Тургеневу: «Томашевский едет в Петербург. Я ему отдал все деньги» (Там же. С. 62). По приезде в Петербург протеже Тургеневых был передан для обустройства Блудову, не вынесшему, однако, общения с ним и отправившему его обратно в Москву. В конце марта 1809 г. Жуковский попросил Тургенева сообщить Блудову: «...я исправно плачу Томашевскому определенные им сто рублей» (Там же. С. 70). По-видимому, вскоре Томашевский покинул Россию и оказался в Германии. Н. И. Тургенев упоминает Томашевского в одном из январских писем 1811 г. к брату Александру как «неопытного юношу», который проходит лечение от какой-то венерической болезни в Карлсруэ (Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 1: Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1806—1811 годы / под ред. и с примеч. Е. И. Тарасова. С. 403). Нелицеприятные отзывы о Томашевском находим в письмах Н. И. Тургенева 1816 г. из Германии, свидетельствующих, что Тургеневы продолжали оказывать ему помощь, — см.: Декабрист Н. И. Тургенев: письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 169, 170, 172—173 («Животное!»).

[4] О присылке трехтомных «Жизнеописаний наиболее выдающихся английских поэтов...» («The lives of the most eminent English poets...», 1779—1781) *С. Джонсона* (Jonson; 1709—1784), в немецком или французском переводе, Жуковский просил своих друзей дважды, в письме к Тургеневу и Блудову от конца ноября 1807 г. и к Тургеневу от конца декабря 1807 — начала января 1808 г. (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 57, 61). В библиотеке Жуковского это издание не сохранилось, поэтому можно предположить, что Блудов послал ему какую-то другую книгу Джонсона (см.: Там же. С. 627). Письмо Жуковского к Блу-

дову, содержащее просьбу о каком-то издании французского драматурга Ж. Расина, неизвестно.

[5] Список книг для И. И. Дмитриева Жуковский сообщил в письме к Тургеневу и Блудову от конца ноября 1807 г. В списке фигурировали издания Ф. де Нёфшато, А. Кошена и А. Ж. Буше (Там же. С. 58, 628). Блудов нашел в Петербурге только полное собрание сочинений знаменитого французского адвоката *А. Кошена* (Cochin; 1687—1747), изданное в 1751 г., в то время как Дмитриев просил о приобретении его избранных произведений в двух томах, вышедших в Париже в 1773 г. В связи с поиском нужных изданий в письме упоминается *Г. И. Клостерманн* (1756—1838), преуспевающий петербургский книгопродавец и издатель, торговец художественными произведениями.

[6] О времени приезда Блудова в Москву в 1808 г. сведений не имеется.

24

27 апреля 1812. Петербург

Петербург
1812 27-е апреля.[1]

Любезный, добрый друг мой! пишу к тебе только два слова для того, чтобы уведомить тебя, что на этой же почте от меня получишь посылку довольно странную, именно: *два портрета моей невесты.* Один в наряде, другой во вседневном ее платье.[2] Оба, особливо последний, очень похожи, и точно потому не нравятся моей невесте. Она требовала, чтобы я их бросил: я должен был обещать, но не знаю, отчего мне не хочется их истребить. Вот причины, по которым я решился их отослать к тебе. Сделай одолжение, милый друг, не показывай их никому и побереги у себя, пока время не сделает жены моей благоразумною. Тогда ты мне возвратишь их. Я не могу уже держать эти портреты у себя; завтра наша свадьба, и ты увидишь, или отгадаешь по портрету, какие удовольствия обещает мне завтрашняя ночь. Прости: когда ты получишь мое письмо, я буду уже на век прикован к своей старухе,[3] — итак, как ответ твой придет ко мне при ней, то не говори ничего искренно. Поздравь и скажи, *что получил посылку.* Прости, любезный, неоцененный друг; верь, что ни в каком случае, ни в каком состоянии чувства мои к тебе не могут перемениться. Обнимаю тебя: прости.

Б<лудов>.

---

[1] Свадьба Д. Н. Блудова и княжны А. А. Щербатовой состоялась 28 апр. 1812 г. в Петербурге. Из письма можно заключить, что в день свадьбы Блудова Жуковский был далеко от него (а именно — в Орловской губернии), хотя и был записан шафером.

[2] Портреты невесты Блудова, посланные Жуковскому, неизвестны. Сохранился только один портрет А. А. Блудовой, причем 1820 г., работы неизвестного художника.

[3] О шутливом наименовании своей невесты «старухой» см. вступ. статью, с. 58.

25

Ноябрь 1815 — март 1816. Петербург

Я приходил сказать тебе, что дал за тебя и себя слово обедать завтра у графа С. П. Румянцева; а сегодня не хочешь ли обедать у меня. Если хочешь, то приходи в п<ятом> часе, не позднее.

Твой Д. Блудов Кассандра

Записка датируется временем после создания «Арзамаса». Можно предположить, что она относится к ноябрю 1815 г. — марту 1816 г. (до отъезда Жуковского в Дерпт), когда всё, что было связано с «Арзамасом», в том числе прозвище «Кассандра», поставленное Блудовым в конце записки, было для него свежо и ново.

В записке речь идет о приглашении к *графу Сергею Петровичу Румянцеву* (1755—1838), дипломату, историку. В конце весны 1816 г. Румянцев посетил Жуковского в Дерпте. 4 июня 1816 г. Жуковский писал Тургеневу: «Через Дерпт проехал граф Сергей Петр<ович> Румянцев. Он был у меня, потом я просидел у него целый вечер с Моргенштерном и Парротом <профессора Дерптского университета>. Мы много говорили о нашем Николае М<ихайловиче>, которому он кланяется» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 489). В январе 1818 г. Жуковский послал С. П. Румянцеву первый выпуск сборника «Для немногих» в письме к Тургеневу со словами: «...право, имею к нему особенное чувство привязанности и всегда люблю вспоминать о его ко мне дружеском расположении» (Там же. Т. 16. С. 8; см. также упоминание о нем в письме от 11 февр. 1823 г., подразумевающее встречи с ним в Петербурге: Там же. С. 179). В июне 1827 г. Жуковский посетил С. П. Румянцева в Париже (Там же. Т. 13. С. 268, 556). Сообщение в записке Блудова является самым ранним свидетельством знакомства с ним Жуковского.

На обороте письма запись Жуковского о трех французских изданиях: «Les Enfants par P. Guizot née Meulan / Le livret des Etrennes de Cadmus / Le Berquin anglais par Bertin». Имеются в виду, во-первых, вышедший в 1812 г. сборник сказок «Дети» французской писательницы и автора педагогических сочинений Полины Гизо (Guizot; 1773—1827), урожд. де Мелан (см. о ней: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 10 (2). С. 608); во-вторых, «Книга подарков Кадмия» для обучения детей чтению (Кадм, или Кадмий (Cadmus) — персонаж греческой мифологии, которому приписывают изобретение греческого алфавита); в-третьих, «английский Беркен в изложении Бертена», т. е. вышедшее в 1803 г. четырехтомное издание «Le nouvel ami des enfants, ou le Berquin anglais par Thomas Day et autres écrivains distingués. Traduction de l'anglais de T.-P. Bertin» («Новый друг детей, или Английский Беркен, написанный Томасом Деем и другими знаменитыми писателями. Переведено с английского Т.-П. Бертеном»). *А. Беркен* (Berquin; 1749—1791) — французский писатель, драматург, педагог. Его книга «Друг детей» («L'ami des enfants», 1782—1783; рус. пер. 1799) — сборник детских рассказов — была удостоена премии Парижской Академии. Издание, названное Жуковским, — французский перевод сочинения английского писателя, аболициониста, педагога *Т. Дея* (Day; 1748—1789) и других авторов. В эпистолярно-творческих текстах и дневниковых записях Жуковского следов интереса к этим трем французским изданиям не обнаружено.

Там же запись Жуковского дневникового характера: «К Плещеевой / К Румянцеву / Послать за посылкой / К Елиз<авете> Марк<овне> / К Кубе <Ниже:> Посылка / К Тургеневу / Деньги С. Флорану / К Кубе / Оленину <?> о долге». В записи упоминаются *Н. Ф. Плещеева* (1768—1855), урожд. Веригина, впоследствии

близкая приятельница Жуковского (по-видимому, первое упоминание о ней в письмах поэта), *гр. С. П. Румянцев*, *Е. М. Оленина* (1768—1838), урожд. Полторацкая, жена упоминаемого ниже *А. Н. Оленина* (1763—1843), директора имп. Публичной библиотеки, *Л. И. Кубе* (1785—1855), впоследствии лифляндский генерал-губернатор (первое свидетельство о знакомстве с ним Жуковского, причем еще в Петербурге), *А. И. Тургенев*, петербургский книгопродавец *Ф. Сен-Флоран* (первое свидетельство о контактах с ним Жуковского). О какой посылке, а также о каком долге Жуковского Е. М. Олениной идет речь в записке, неизвестно.

26

1 мая 1817. Петербург

СПБ. 1-е мая 1817-го года.

Любезный, сердечный и добрый баловень Арзамаса, пишу к тебе немного строчек, потому что к сердечной радости узнал о твоем намерении быть к нам. Приезжай, друг, приезжай и не забудь, что ты дал мне слово не тесниться у Эоловой арфы, а жить на просторе у Кассандры.[1] Приезжай скорее и не сердись; во-первых, потому что на друзей никогда сердиться не должно; во-вторых, и потому что сердиться, по крайней мере, на них тебе не за что. Твое поручение в рассуждении Мещевского[2] давно с моей стороны исполнено: я как скоро получил твое письмо, то вздумал печатать его «Наталью», но мы были больны оба, т. е. Кавелин[3] и я, а в переписке не умели объясниться. Когда я выздоровел, то проехал к нему и на первое предложение получил ответ, что в его типографии печатать нельзя,[4] не только «Наталью», но и твои «12 спящих дев», зане-де сия типография занята Столетним Вестником и другими отличными произведениями в сем роде.[5] Что же мне оставалось делать? Печатать в другой типографии? Кроме того, что это станет гораздо дороже, нежели ты полагал, для этого нужно более тех денег, нежели сколько их было у меня одного. Итак, я решился пригласить на *помочь* других арзамасцев. Эти другие арзамасцы объявили, и все единогласно, что они рады давать деньги, но только бедным людям, а не богатым типографщикам; что если напечатать печатью, то Арзамас пожертвует несколькими сотнями рублей, а Мещевский едва ли получит несколько копеек; потому что его «Натальи» покупать не будут. Одним словом, что лучше просто собрать деньги и отправить их в Оренбург или к тебе. Я представляю арзамасцам, что ты желал сделать несчастному Мещевскому не только пособие деньгами, а сверх того еще одобрение в трудах литературных, и что для этого ты хотел, чтобы он получил не подарок, а плату за сочинение. Но арзамасцы стояли крепко в своем мнении и наконец поручили Арфе уведомить тебя и просить твоего согласия.[6] Не знаю, что сделала Арфа; только мы не очень давно получили твое соборное послание. Оно еще недель пять валялось в кармане Арфы. Наконец, третьего дня (только и не прежде) сообщено *Собранью*.[7] В нем нет ни-

какого согласия и никакого совета; но есть твоя обыкновенная бесценная галиматья. Все помирали со смеху, а смех расположил к жалости. Кассандра этим воспользовалась и сделала следующее предложение. Дадим денег Мещевскому, не оскорбляя его самолюбия, то есть уверим его, что «Наталья» куплена каким-то книгопродавцем, или кем хотите, будет напечатана когда-нибудь, сумму, нужную для напечатания, перешлем через Светлану к нему. Сказано, сделано: все согласились, к счастью Мещевского; я забыл привезти с собою твой расчет[8] и вместо 350 рублей, коих ты требовал, мы собрали *650* рублей, разумеется, полагая в то число твои 50 рублей, *Двух Рук* и *Асмодеевы,*[9] хотя признаюсь, с него грех брать 50 рублей. Нам сказывал Жихарев, что Асмодей послал уж к Мещевскому и не 50, а 500 рублей.[10] Впрочем, воля твоя и его: во всяком случае верных *600*, а собранных *350*, именно от *Арфы*, *Варвика*, *Пустынника*, *Чу!*, *Кассандры*, *Громобоя* и *Рейна*. Не заплатили еще *Резвый Кот*, *Старушка*, *Ивиков Журавль*, *Две огромных руки* и сам ты, бессменный Секретарь![11] Собранные деньги я хотел сегодня к тебе отправить, но вчера узнал, что ты к нам будешь. За тем останавливаю их здесь, а может быть, к твоему приезду соберу и последние со здешних членов. Надеюсь, что тебя привлекают сюда из Дерпта не неприятности. От Тургенева я не добился толку. Прости, друг любезный, прости до свидания. Сердись на меня или нет, а всё по-прежнему твой и навсегда

Б<лудов>.

---

[1] Ответа на письмо Блудова от 1 мая 1817 г. написано Жуковским не было, поскольку 2 мая он выехал из Дерпта в Петербург (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 543). В мае-сентябре 1817 г. Жуковский жил, как и предлагал Блудов, «у Кассандры» в его доме на углу Невского проспекта и набережной Фонтанки (см.: *Шубин В. Ф.* Литературный Петербург пушкинской эпохи: адресный указатель // Дома у Пушкина. СПб.: АО «Арсис», 1994. С. 109. (Арс: российский журнал искусств. Темат. вып. № 1); *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 952). До этого обыкновенным его пристанищем в Петербурге была квартира Тургенева (Эоловой арфы).

[2] Речь идет об *Александре Ивановиче Мещёвском* (ок. 1792 — ок. 1820), воспитаннике московского Университетского благородного пансиона, где высоко ценилось его поэтическое дарование. В 1812 г. Мещёвский поступил на военную службу юнкером, однако вскоре оставил свой полк, за что как дезертир был сослан в 1814 г. в Оренбургский гарнизонный полк без права выслуги, жил там в бедности, зарабатывая уроками, и умер от чахотки (см.: *Зыкова Г. В.* Мещёвский Александр Иванович // Русские писатели, 1800—1917. Т. 4. С. 37—38). Известно четырнадцать писем Жуковского за октябрь 1816 — апрель 1817 г. к А. П. Елагиной, А. И. Тургеневу Д. Н. Блудову и П. А. Вяземскому, в которых говорится о помощи Мещёвскому (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 501, 509, 516, 520—522, 525—526, 531—536, 538—539). Лейтмотивом его писем в Петербург было недовольство равнодушием и медлительностью друзей-«арзамасцев». Последние упоминания о Мещёвском обнаруживаются в письмах Жуковского к Вязем-

скому и Тургеневу в апреле 1818 г., в которых он благодарил их за денежную помощь ему (Там же. Т. 16. С. 14, 16—17).

[3] Блудов имеет в виду письмо Жуковского, датируемое предположительно серединой января 1817 г. В нем Жуковский сообщал о своем плане помощи Мещёвскому посредством издания его поэмы «Наталья боярская дочь»: «Я послал к Кавелину рукопись “Натальи”, поэмы Мещёвского <...> дело о помощи и нравственной, и материальной бедному несчастливцу, который имеет дарование и может быть со временем и поэтом, и человеком, если только несчастье не убьет его, а просто поучит. Чтобы оно не было убийцею, а учителем — это забота “Арзамаса”. “Наталья” посвящена Карамзину: хорошее знаменование для судьбы автора <посвящение в издании было снято>. <...> Я предписал, как законодатель, должность Пустыннику <“арзамасское” прозвище Д. А. Кавелина>. Вот что предписываю Кассандре: для напечатания “Натальи” нужны деньги, и вот сколько <далее следуют расчеты на издание, итог в рублях:> 467. Эти деньги надобно собрать с арзамасцев, с некоторых (Вяземский, я, два Тургеневы, Уваров, ты) не надобно делать сбор в полном “Арзамасе”, дабы никого не принуждать; а тем, кого ты выберешь кроме назначенных (ибо эти не должны отказаться), сказать келейно, взять с них деньги и передать Кавелину — его *вклад* будет состоять в *заботе о напечатании*. За Вяземского и за меня заплати ты: я бы послал сию же минуту, но у меня нет гроша (думаю, что и Северин не откажет, и Дашков — но об этом переговори с ними сам). На первый случай довольно 360, итак, по 60 рублей, а если пристанут Дашков и Северин, по 50 с брата. Твое дело собрать деньги, передать их Кавелину...» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 521).

[4] Речь идет о Медицинской типографии, которая находилась под началом Кавелина (Пустынника).

[5] Отказ Кавелина в печатании поэмы Мещёвского был связан не с какими-то сложностями в работе Медицинской типографии, которая печатала разнообразнейшие по тематике издания. Жуковский выпустил в ней и свое первое издание стихотворений 1815—1816 гг., и «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (ч. 1—6) 1815—1817 гг. Уверение Кавелина в невозможности печатания в Медицинской типографии даже «Двенадцати спящих дев» также не соответствовало действительности, поскольку именно в ней появилось в 1817 г. первое издание этой баллады Жуковского. Ссылка Пустынника на то, что «типография занята Столетним Вестником», подразумевает, по-видимому, журнал «Чтение в Беседе любителей русского слова», последний выпуск которого вышел в 1816 г. Кавелин мог исходить из понимания заведомой неудачи издания поэмы Мещёвского, и его мнение отражено в письме Блудова как уверенность «арзамасцев» в том, что ее «покупать не будут». Повесть в стихах «Наталья боярская дочь» (подпись: А. М.) вышла в Морской типографии в 1817 г.; ценз. разр. 24 авг. 1817 г. По-видимому, работа по изданию «Натальи» была энергично продвинута вперед после приезда в Петербург Жуковского в мае 1817 г.

[6] После писем Жуковского, где он писал Тургеневу о своем плане издания поэмы Мещёвского в середине января 1817 г. («Мещёвский должен быть приемышем “Арзамаса”. Я писал к Кавелину и к Блудову о том, что я располагаю сделать с его поэмою <...> Переговори с ними об этом деле <...> Будь деятелен: дело идет о сотворении поэта и спасении человека» — *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 522) и затем около 18 февр. 1817 г. (с возмущением о его молчании — там же. С. 532—533), Тургенев, наконец, послал ему письмо (в печати неизвестно). Жуковский с неодобрением отнесся к предложению Тургенева (в письме от 1 мая 1817 г. об этом предложении напомнил ему и Блудов). Жуковский писал 24 февр. 1817 г. Тургеневу, нехотя соглашаясь с ним: «Вы собираетесь сделать сбор для на-

печатания Мещёвского поэмы <...> Послать эти деньги Мещёвскому и поэму продать — это скорее и менее хлопот. Правда! Но зато менее и денег. Я бы думал: напечатать 600 экземпляров на счет “Арзамаса”, 300 распродать самим по 5 рублей экземпляр, остальные 300 продать рубля по два гуртом в лавку: вышло бы 2000 рублей с лишним. Впрочем, сделайте, как сами рассудите, только сделайте, и поскорее» (Там же. С. 534).

[7] «Соборным посланием» Жуковского Блудов называет его «В общее собрание Нового Арзамаса от действительного секретаря его превосходительства всепокорнейшее завывание», написанное, по-видимому, на предпоследней неделе Великого Поста (т. е. в середине марта 1817 г.), с напоминанием о близящейся Пасхе (ср.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 11 (1). С. 643). Во «всепокорнейшем завывании» Жуковский писал о медлительности «арзамасцев» в решении вопроса об издании поэмы Мещёвского. Письмо Блудова содержит доныне неизвестное сообщение о собрании «Арзамаса» 29 апреля (воскресенье) 1817 г., когда в нем было прочитано и обсуждено «всепокорнейшее завывание» Жуковского (ср. с датой письма Блудова, где говорилось: «третьего дня (только и не прежде)»).

[8] О письме Жуковского с расчетами по типографии см. примеч. 3.

[9] Две огромные руки — А. Ф. Воейков, Асмодей — П. А. Вяземский.

[10] Уже в марте Жуковский знал о помощи, оказанной Мещёвскому Вяземским, о чем писал ему: «Обнимаю тебя за Мещёвского! Ты — истинный арзамасец! Другие наши братья — петербургские бздуны. Я писал к ним не один раз, а десять раз, во всяком письме пишу одно и то же — никто ничего не делает!» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 539). В письме Блудова к Жуковскому называется та денежная сумма (500 руб.), которую Вяземский послал Мещёвскому в Оренбург. Он помогал ему и в дальнейшем, о чем свидетельствует письмо Жуковского к Вяземскому от 17 апр. 1818 г. (Там же. Т. 16. С. 16).

[11] Под арзамасскими прозвищами названы *Александр и Николай Тургеневы* (Эолова арфа и Варвик), *Д. А. Кавелин* (Пустынник), Д. В. Дашков (Чу!), *Д. Н. Блудов* (Кассандра), *С. П. Жихарев* (Громобой), *М. Ф. Орлов* (Рейн), *Д. П. Северин* (Резвый кот), *С. С. Уваров* (Старушка), *Ф. Ф. Вигель* (Ивиков журавль), *А. Ф. Воейков* (Две огромные руки), *В. А. Жуковский* (Светлана, он же Бессменный секретарь Арзамаса).

27

10 октября 1817. Петербург

<Адрес:> В. А. Жуковскому.

Из Петербурга 10 октября 1817.

Посылаю к тебе, друг милый, оставленные тобою здесь деньги. Надеюсь, что их получишь еще не слишком поздно, хотя отправленными позднее условленного между нами.[1] Право, в прошедший понедельник мне было не до того, чтобы думать об отправлении этих денег. Твоя кума Антуанета[2] нас очень напугала; у нее сделалась болезнь, которую сегодня доктор называет по-немецки: Friesel,* то есть летучею или фальшивою корью, но первые два дни почитал за насто-

* просовидная сыпь, потница (*нем.*).

ящую корь, или даже за скарлатину. Мне тебя нечего уверять, что я очень беспокоился: беспокоюсь и теперь, ибо не смею еще поверить новому имени этой болезни, весьма похожей на корь; однако ж вижу, что жар уменьшился и что, следственно, можно полагать и уменьшение самой болезни.

Прости, любезная Светлана! желаю, чтобы твои деньги и мое письмо застали тебя здоровым, счастливым и чтобы все худые вести были так же ложны, как вести о мнимой опасной болезни Принцессы. Прости: здесь нет нового. С. О. глуп и постарел.[3] Пиши. Соарзамасцы все здоровы.

P. S. Тебе кланяется, между прочим, граф Румянцев, который недавно приехал: оба его открытия же ты, вероятно, узнаешь в Москве.[4] Не позабудь за меня от сердца поклониться всем московским арзамасцам, природным и избранным,[5] также и посреднику нашему Булгакову.[6] Получил ли Северин мою записку и знает ли, что я хотел заочно, но усердно поздравить его.[7]

Б<лудов>.

---

[1] Речь идет о деньгах, которые Жуковский оставил у Блудова в Петербурге, когда 4 окт. 1817 г. отправился в Москву. В письме, написанном около 9 окт. 1817 г. (еще до получения письма Блудова от 10 окт. 1817 г.), он упрекал его за свою глупую «осторожность» в ответ на уговоры Блудова оставить деньги из опасения нападения на него «разбойников»: «...а ты когда пришлешь их ко мне, Бог ведает» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 548).

[2] Антуанетой звали в семье старшую дочь *Блудову Антонину Дмитриевну* (1813—1891).

[3] О ком идет речь, установить не удалось.

[4] Имеется в виду *граф Николай Петрович Румянцев* (1754—1826), неутомимый коллекционер русских древностей. Год 1817-й был переломным в деятельности румянцевского кружка, когда на средства мецената стали проводиться обследования всего документального архивно-библиотечного комплекса того или иного региона в ходе специальных археографических экспедиций. В 1817 г. началась Подмосковная археографическая экспедиция К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева, принесшая сенсационные открытия, в числе которых был Сборник князя Святослава Ярославича 1073 г., являющийся вторым по древности памятником славянорусской письменности и книжности (см.: *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М.: Наука, 1981. С. 69—73). Какие-то из этих находок имел в виду Блудов, когда писал Жуковскому о двух открытиях Румянцева. Жуковский был представлен ему в мае 1815 г. В письме к А. П. Елагиной от 11 июня 1815 г., сообщавшем новости о круге его петербургских знакомств, говорилось: «Два раза обедал я у канцлера, который очень хотел меня узнать и очень обласкал» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 367). В письме к Вяземскому от 27 янв. 1817 г. поэт писал о Румянцеве: он «показывает мне особенную и весьма драгоценную ласку» (Там же. С. 525).

[5] Избранными «московскими арзамасцами» были кн. П. А. Вяземский (Асмодей), В. Л. Пушкин (Вот я вас), Д. В. Давыдов (Армянин). Природные «московские арзамасцы» — Н. М. Карамзин и И. И. Дмитриев. В Москве Блудов и Жуков-

ский встретили еще и П. И. Полетику (1778—1849), «арзамасца» по прозвищу Очарованный челнок.

[6] *Булгаков Александр Яковлевич* (1781—1863). См. п. 7, примеч. 13.

[7] *Северин Дмитрий Петрович* (1792—1865) — дипломат, член общества «Арзамас». См. п. 28, примеч. 3.

28

29 ноября 1817. Петербург

С.П.Б. Ноября 29-е 1817.

Милый, неоцененный друг мой, я получил твое письмо[1] и спешу отвечать несколькими словами. Сказать, что Антуанета моя, хотя еще не совсем здорова, но, слава Богу, кажется, вышла из опасности. Сказала, что поблагодарит тебя от всей души и от самой глубины души за твое участие. Оно послужило бы, смею думать, утешением для меня в несчастии; а теперь прибавляет новую сладость к чувству милости Небесной. Никогда, друг любезный, никогда твои прекрасные стихи не действовали на меня столь сильно, как полученная мною вчера несказанно красноречивая проза: в ней видна самая лучшая связь, та, которая существует между нашими сердцами и которая будет вечно существовать: кажется, в этом можно ручаться за будущее. Прости, друг и брат! Надеюсь обнять тебя в Москве, но это удовольствие куплено будет дорогою ценою.[2] И ты еще говоришь о моем счастии или выгодах! Нет, милый друг, расстаться на несколько месяцев со всем тем, что драгоценно, и потом — несколько лет не видать многих любезных людей и предметов; нет, этого нельзя назвать счастием. А выгоды? Будут ли в раю, и не хочу знать. Я бы стал краснеть, если б выгоде пожертвовал хотя одною радостию сердца, хотя одною милою привычкою; нам можно и должно жертвовать, но только тому, что мы почитаем обязанностию. Мой отъезд в Лондон есть обязанность и требует жертв; потому я на всё согласился. Может быть, я ошибаюсь, но так думал, когда отвечал Северину; кажется, и теперь еще так же думаю. Впрочем, всякая жертва тому, что мы хотя по ошибке почитаем за долг, не есть ли уже изрядное дело? И тот вернее приносит плод. Например, я теперь же за свою награжден весьма приятным чувством, ибо она мне добавила случай хорошенько узнать добрую ревностную дружбу нашего Резкого Кота.[3] Что касается до будущего, скажу еще раз с тобою:

Тут будет то, что должно быть,[4]

и с тобою же:

Всё в жизни к прекрасному средство.[5]

Дай Бог скорее и благополучнее дойти к сему прекрасному, то есть к *тихому* гробу; но дотоле, однако ж, дай Бог! пожить с тобою и с дру-

гими друзьями, *близкими к тебе.* Одному из них, Батюшкову, я показывал твои стихи: думаю, что они были некоторым утешением в его печали. Бедный болен, расстроен и потерял отца. Говорит, что этот родитель был похож на отца Жихарева, но, к несчастию, Батюшков не имеет Громобоевой философии.[6]

Еще раз прости, мой друг не только любезный, но и полезный, истинно полезный для ума и души; я в эту минуту чувствую себя лучшим и всякий раз в беседе с тобою, писать к тебе, даже об тебе думать, производит на меня такое действие. Прости, обними всех наших. Ивану Ивановичу мое почтение.[7]

Б<лудов>.

---

[1] Письмо Жуковского, на которое отвечает Блудов, неизвестно.

[2] Выздоровление четырехлетней дочери позволило Блудову с семьей вскоре приехать в Москву, где он оказался около 10 (не ранее) декабря 1817 г. и жил до апреля 1818 г. Здесь он близко общался с Жуковским (см.: *Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время. С. 117—118). Переезд был связан с подготовкой Блудова к новой должности: он был определен советником, а затем поверенным русского посольства в Лондоне, где служил в 1818—1820 гг.

[3] Речь идет о Северине, который, как свидетельствует письмо Блудова, способствовал получению им новой должности.

[4] Блудов цитирует с изменением (или же приводя вариант другой, неизвестной редакции) послание Жуковского «Стихи, сочиненные в день моего рождения. К моей лире и к друзьям моим» (1803) — ср.: «Пусть будет то, что должно быть!» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 58).

[5] Цитата из стихотворения Жуковского «Теон и Эсхин» (1814) — ср.: «Все в жизни к великому средство»; вариант, приведенный Блудовым (с заменой «к прекрасному»), использовался и Жуковским, и его дружеским окружением как своего рода жизненный девиз (Там же. С. 384, 729). Ни у кого из них, однако, не встречается толкование «прекрасного», подобное данному в письме Блудова, как «тихого гроба», к которому движется человеческая жизнь. Это подтверждает воспоминания Вигеля, восхищавшегося смелостью и независимостью Блудова: в то время, когда «неверие почиталось непременным условием просвещения», а целомудрие — «верным признаком слабоумия», он не скрывал ни своих убеждений, ни своих чувств (*Вигель Ф. Ф.* Записки. С. 129—131; см. также: *Ружицкая И. В.* «Просвещенная бюрократия» (1800—1860-е гг.). М.: Ин-т российской истории, 2009. С. 112).

[6] Речь идет о переживаниях К. Н. Батюшкова в связи со смертью его отца Николая Львовича (1755—1817). Блудов сравнивает Батюшкова с С. П. Жихаревым, который, по-видимому, немногим ранее или в том же году также потерял отца: *Петр Степанович Жихарев* (род. 1755), секунд-майор в отставке, помещик Рязанской и Тамбовской губ.; год его смерти неизвестен, но на основании свидетельства в письме Блудова можно считать, что это было не позднее 1817 г. «Громобоевой философией» Блудов называет жизнелюбие С. П. Жихарева, которым Батюшков, действительно, не обладал.

[7] И. И. Дмитриев.

Библиографический список

1. «Арзамас»: в 2 кн. М.: Художественная литература, 1994.
2. Арзамас и арзамасские протоколы / ввод. ст., ред. и примеч. М. С. Боровковой-Майковой. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.
3. Архив братьев Тургеневых. СПб.: Отд-ние русского языка и словесности Имп. Акад. наук, 1911. Вып. 1: Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1806—1811 годы / под ред. и с примеч. Е. И. Тарасова.
4. Архив братьев Тургеневых. СПб.: Отд-ние русского языка и словесности Имп. Акад. наук, 1911. Вып. 2: Письма и дневник А. И. Тургенева геттингенского периода (1802—1804 гг.) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Геттинген 1805—1811 гг. / с введ. и с примеч. В. М. Истрина.
5. *Березкина С. В.* Перевод либретто оратории Й. Гайдна «Времена года» — неизвестное произведение В. А. Жуковского // Имагология и компаративистика. 2022. № 18.
6. *Березкина С. В.* Театральные замыслы молодого Дмитрия Блудова (по неопубликованным письмам к В. А. Жуковскому 1802—1804 гг.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2022. № 479.
7. *Березкина С. В., Дмитриева Н. Л.* О смерти Андрея Тургенева по неопубликованным письмам Д. Н. Блудова к В. А. Жуковскому 1803 года // Русская литература. 2023. № 3.
8. Библиотека В. А. Жуковского: (описание) / сост. В. В. Лобанов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981.
9. *Богданович Е. В.* Дружеское послание 1810-х годов: образцы и источники // Вестник Пермского ун-та. 2011. Сер.: Рос. и заруб. филология. Вып. 2 (14).
10. *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб.: Наука, 1994.
11. *Вацуро В. Э., Виролайнен М. Н.* Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л.: Наука, 1987.
12. *Вигель Ф. Ф.* Записки. М.: Захаров, 2000.
13. *Вольман Б. Л.* Наследие Гайдна в России // Советская музыка. 1959. № 6.
14. Времена года: оратория И. Гайдена. Митава, 1893.
15. *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* И. А. Дмитревский: очерк истории русского театра. Берлин: [Петрополис], 1923.
16. Декабрист Н. И. Тургенев: письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
17. *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX в.: М. А. Корф. Д. Н. Блудов. М.: Индрик, 2006.
18. *Долгова С. Р.* Малиновский Алексей Федорович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2.
19. *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 1999—2018. Т. 1, 10 (2), 11 (1), 12, 13, 15.
20. *Заборов П. Р.* От классицизма к романтизму // Шекспир и русская культура. М.; Л.: Наука, 1965.
21. *Зорин А. Л.* Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

22. *Истрин В. М.* Из архива братьев Тургеневых: смерть Андрея Ивановича Тургенева // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 3. Отд. II.
23. *Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время: (царствование императора Александра I). СПб.: в тип. Второго отделения собственной е. и. в. канцелярии, 1866.
24. *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М.: Наука, 1981.
25. *Кочеткова Н. Д.* Перевод книги Ж.-Ф. Лагарпа «Ликей, или Круг словесности древней и новой», осуществленный Российской академией // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. СПб., 2009. Вып. 5.
26. *Кочеткова Н. Д.* Трагедия и сентиментальная драма начала XIX в. // История русской драматургии, XVII — первая половина XIX века. Л.: Наука, 1982.
27. *Левин Ю. Д.* Шекспир и русская культура. Л.: Наука, 1988.
28. Литературное общество «Арзамас»: история и современность. Арзамас: б. и.; Нижний Новгород: Растр, 2015.
29. *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815—1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
30. *Майофис М. Л.* Консервативное крыло общества «Арзамас»: литературная и общественно-политическая позиция С. С. Уварова, Д. Н. Блудова, Д. В. Дашкова: дис. ... канд. филол. наук / РГГУ. М., 2002.
31. Московские ведомости. 1805. 1 марта. № 17.
32. Музыкальная библиография русской периодической печати XIX века / сост. Т. Н. Ливанова. М.: Музгиз, 1960. Вып. 1: 1801—1825.
33. Музыкальная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1974. Т. 2.
34. *Панов С. И.* Из литературной почты «Арзамаса» // Литературный факт. 2016. № 1/2.
35. *Песков А. М.* Блудов Дмитрий Николаевич // Русские писатели, 1800—1917: биогр. словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1.
36. *Песков А. М.* Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1989.
37. Петрарка в русской литературе. М.: Рудомино, 2006. Кн. 1.
38. Приятное и полезное препровождение времени. М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1795. Ч. 8.
39. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. и писем. СПб.: Наука, 2004. Т. 2, кн. 1.
40. *Резанов В. И.* Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб.: Сенатская тип., 1906. Вып. 1.
41. *Рогов К. Ю.* Идея «комедии нравов» в начале XIX века в России: дис. ... канд. филол. наук / МГУ. М., 1992.
42. *Ружицкая И. В.* Государственный совет при Николае I: особенности функционирования / ИРИ РАН. М.: Ин-т русской истории РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
43. *Ружицкая И. В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I / ИРИ РАН. М.: Ин-т русской истории РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
44. *Ружицкая И. В.* Просвещенная бюрократия (1800—1860-е гг.) / ИРИ РАН. М.: Ин-т русской истории, 2009.

45. Русские писатели, 1800—1917: биогр. словарь. М.: Советская энциклопедия (Большая российская энциклопедия), 1989—2007. Т. 1, 2, 5.
46. Из писем к В. А. Жуковскому. Письма графа Д. Н. Блудова // Русский архив. 1902. Кн. 2, вып. 6.
47. *Семенова М. Б.* Французская императорская драматическая труппа // Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия: в 3 т. СПб.: Филол. факультет С.-Петерб. гос. ун-та, 2009. Т. 3, кн. 7.
48. *Сиверс А. А.* Родословие Озеровых. СПб.: тип. Мор. м-ва, 1911.
49. Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1998—1999. Вып. 1—2.
50. *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. СПб.: тип. Имп. театра, 1816. Ч. 4.
51. *Трофимов И. Т.* Поиски и находки в Московских архивах. М.: Моск. рабочий, 1982.
52. *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.) / изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М., Л.: Наука, 1964.
53. *Тургенев А. И.* Элегия // Вестник Европы. 1802. № 13.
54. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. М.: Наука, 1983. Т. 11.
55. *Финдейзен Н. Р.* Музыка Гайдна в России (историческая справка) // Русская музыкальная газета. 1909. № 20/21.
56. *Финдейзен Н. Ф.* Боальдьё и придворная французская опера в С.-Петербурге в начале XIX в. // Ежегодник Императорских театров. 1910. Вып. 5.
57. Четыре времени года: музыка сочинения г. Гайдена = Die Jahreszeiten von Joseph Gaydn. М.: тип. Н. Степанова при Императорском театре, 1830.
58. Четыре времени года: музыка сочинения Гайдена. М.: в Унив. тип., у Люби, Гария и Попова, 1802.
59. Четыре времени года: оратория, положенная на музыку Гайденом. [2-е изд.]. СПб.: тип. К. Крайя, 1836.
60. *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений, 1802—1917: биобиблиогр. справочник. 2-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.
61. *Штейнпресс Б. С.* Музыка Гайдна в России при жизни композитора // Музыкальное исполнительство. М.: Музыка, 1970.
62. *Шубин В. Ф.* Литературный Петербург пушкинской эпохи: адресный указатель // Дома у Пушкина. СПб.: АО «Арсис», 1994. (Арс: российский журнал искусств. Темат. вып. № 1).